

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

Трагедия в пяти актах

Перевод с английского А. В. Флори

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Юлий Цезарь

Триумвиры после гибели Цезаря:

Октавий Цезарь

Марк Антоний

Марк Эмилий Лепид

Сенаторы:

Цицерон

Публий

Попилий Лена

Заговорщики:

Марк Брут

Кассий

Каска

Требоний

Лигарий

Деций Брут

Метелл Цимбер

Цинна

Трибуны:

Флавий

Марулл

Артемидор – софист Книдосский

© Перевод А. В. Флори, 2008

© БД «Русский Шекспир», 2008

Предсказатель
Цинна – поэт
Другой поэт

Друзья Брута и Кассия:

Луцилий
Титиний
Мессала
Младший Катон
Волумний

Служители Брута:

Варрон
Клит
Клавдий
Стратон
Луций
Дарданий

Пиндар – служитель Кассия
Кальпурния – жена Цезаря
Порция – жена Брута

Солдаты, горожане

Действие происходит в древнем Риме.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Рим. Улица.

Входят ФЛАВИЙ, МАРУЛЛ и несколько горожан.

ФЛАВИЙ

Бездельники, никчемные создания!
Зачем вы здесь? Ступайте по домам!
Какой себе устроили вы праздник?
По будням цеховые все должны
Носить опознавательные знаки
Ремесел – на себе или с собой.
Вот ты – чем добываешь пропитанье?

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН

Я-то? В смысле: чего я делаю? Плотник я, сударь.

МАРУЛЛ

А где угольник? Фартук юфтяной?
Зачем ты в праздничное нарядился? –
А ты в чем мастер, ну-ка отвечай!

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН

Ежели по правде, сударь, то рядом с настоящими мастерами я
просто сапожник.

МАРУЛЛ

В каком смысле? Говори точно.

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН

Если точно, я исправляю то, что тебе в подметки не годится.

МАРУЛЛ

Что за бред, дурак? Чем ты занимаешься?

© Перевод А. В. Флори, 2008

© БД «Русский Шекспир», 2008

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН

Топай ногами, сколько тебе угодно. Если у тебя прохудится, я зашью.

МАРУЛЛ

Что ты мне зашьешь, нахал?

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН

Как – что, сударь? Подметки!

МАРУЛЛ

Так ты сапожник, что ли?

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН

А я об чем и говорю! А вообще-то у меня много профессий, которые совместились в одной. Я не расстаюсь с шилом. Я посредничаю и в торговых делах, и вмешиваюсь в женские – и всё этим острым инструментом. Чеботарь – также и хирург: он делает операции на коже. А еще он кузнец: будь ты самый-рассамый порядочный господин, а если обут в яловые сапоги – он приколачивает тебе подковы.

ФЛАВИЙ

Что ж не сидится в мастерской тебе?
Зачем по улицам ты водишь толпы?

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН

Еже ли по правде, сударь, для того и вожу, чтобы эти люди поскорее изнашили свои башмаки, а у меня было больше работы. Ну, и просто хочется посмотреть на триумф Цезаря и порадоваться.

МАРУЛЛ

Хотите радоваться? А чему?
Быть может, тени прошлого величья?

Каких заложников привел он в Рим?
Не скажите ли, где его трофеи?
О люди, порождения камней!
Вы хуже, чем бесчувственные глыбы!
О жесткие, жестокие сердца!
Забыли вы великого Помпея?
Несчастные, забыли, сколько раз
Вы лазали на стены и бойницы,
На башни, трубы! С малыми детьми
Торчали там часами, ожидая,
Когда по улицам проедет он.
Издали завидев колесницу,
Кричали так, что волновался Тибр
От эха голосов, и, содрогаясь,
Едва не выходил из берегов
Извилистых. Но всё переменялось!
О нем погоревали вы слегка,
Но вас утешили – и очень скоро.
И вот теперь вам новый праздник дан.
И вот теперь вы лучшее надели,
И вот теперь цветочки принесли,
Желая приукрасить путь кровавый
Губителя Помпея. Ну и что?
Какая разница – вам лишь бы праздник!
Стыд, граждане! Ступайте по домам,
Падите на колени и молитесь,
Чтоб божества не покарали Рим
Какою-нибудь новою заразой,
Когда неблагодарности чума.
Его уже и так почти изъела.

ФЛАВИЙ

Да, да, ступайте, добрые друзья,
Но лучше не домой, а соберите
Таких же пролетариев¹, как вы,
Ведите их рыдать на берег Тибра
И там излейте в воду столько слез,
Чтобы при самом медленном теченье
Поток поднялся до вершин холмов
И их поцеловал. Тогда, быть может,
Замолите вы свой тягчайший грех.

---

¹ Пролетарий – термин древнеримский.

© Перевод А. В. Флори, 2008

© БД «Русский Шекспир», 2008

Горожане расходятся.

А чернь – металл не столь уж тугоплавкий.
Смотри, как удаляются они:
Понурились, молчат. Не от стыда ли?
Ну, ладно, к Капитолию пойдем:
Ты – этою улицей, а я – другою.
И по дороге мы сорвем венки
Со всех его противных монументов.

МАРУЛЛ

Не вышло бы из этого беды:
У нас же Луперкалии сегодня.

ФЛАВИЙ

Так что ж ему – развешивать венки
На всех своих противных истуканах?
Идем, и чернь разгоним заодно.
Мы крылья Цезарю пообщипаем,
А то уж больно высоко взлетел.
Иль станет он недосягаем взору
И нас заставит вечно трепетать.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Площадь.

Трубы.

*Входят ЦЕЗАРЬ, АНТОНИЙ, готовый к бегу; КАЛЬПУРНИЯ, ПОРЦИЯ,
ДЕЦИЙ, ЦИЦЕРОН, БРУТ, КАССИЙ и КАСКА.
За ними – толпа, и среди нее ПРОРИЦАТЕЛЬ.*

ЦЕЗАРЬ

Кальпурния!

КАСКА

Тихо, вы! Цезарь говорить будет.

Музыка умолкает.

ЦЕЗАРЬ

Кальпурния!

КАЛЬПУРНИЯ

Да, мой повелитель?

ЦЕЗАРЬ

Стань под удар Антония, когда
Священный бег начнется. Марк Антоний!

АНТОНИЙ

Да, повелитель мой?

ЦЕЗАРЬ

Не позабудь
Хлестнуть Кальпурнию во время бега.
От этого, как старцы говорят,
Бесплодие проходит.

АНТОНИЙ

Не забуду.
Всё сделаю, что Цезарь мне сказал.

ЦЕЗАРЬ

Ступай. Обряды в точности исполни.

Музыка.

ПРОРИЦАТЕЛЬ

Цезарь!

ЦЕЗАРЬ

Кто ко мне обращается?

КАСКА

Да тихо вы там! Разыгрались некстати.

Музыка умолкает.

ЦЕЗАРЬ

Кто это из глубин народных масс
Ко мне взывает? Я услышал голос
Сквозь шум толпы и музыку. Так что ж
Ты хочешь мне сказать?

ПРОРИЦАТЕЛЬ

Остерегайся
Ид мартовских!

ЦЕЗАРЬ

Кто этот человек?

БРУТ

Он прорицатель и предупреждает,
Что иды марта – время, для тебя
Опасное.

ЦЕЗАРЬ

Пусть подойдет. Хочу я
В лицо ему взглянуть.

КАССИЙ

Эй, выходи!
Старик, тебя желает видеть Цезарь.

ЦЕЗАРЬ

Так что же ты сказал мне? Повтори!

ПРОРИЦАТЕЛЬ

Ид мартовских остерегайся.

ЦЕЗАРЬ

Полно!
Он невменяем. Что нам до него?

Уходят все, кроме БРУТА и КАССИЯ.

КАССИЙ

Что ж не идешь смотреть на бег священный?

БРУТ

Я? А зачем?

КАССИЙ

Прошу тебя, пойдём.

БРУТ

Нет, я до всяких зрелищ не охотник.
Я не игрок, и дух мой не игрив,
Как у Антония. Тебе же, Кассий,
Я не хочу мешать и ухожу.

КАССИЙ

Нет, Брут, постой. Ты как-то изменился
И стал со мною холоден и сух,
Как будто нет меж нами прежней дружбы.

БРУТ

Ты, Кассий, ошибаешься. Мой взгляд
Уже, конечно, не открыт, как прежде.
Его я обращаю вглубь души.
Меня гнетут предчувствия дурные
И размышленья о себе самом.
Вот почему угрюм я и рассеян,
Но это не касается друзей,
А ты из них, конечно, самый близкий.
Враждебен я себе лишь самому,
Всех остальных люблю, но забываю
О внешнем выражении любви.

КАССИЙ

Твою печаль истолковав превратно,
Я опасался душу открывать.
А мы должны поговорить о многом.
Вот ты бы мог узреть свое лицо?

БРУТ

Нет, нам доступно только отраженье,
Лишь образ свой.

КАССИЙ

Конечно! Нет зеркал,
В которых ты увидел бы глубины
Своей души, все доблести ее.
Скорбят недаром лучшие из римлян
(Но только не бессмертный Цезарь наш),
Что благородный Брут не внемлет стонам
Лишенных воли граждан...

БРУТ

Кассий, друг!
Неладное ты что-то затеваешь!
Ты хочешь видеть то, что чуждо мне.

КАССИЙ

А ты послушай, Брут. Раз ты уверен,
Что видим мы себя лишь в зеркалах,
Тогда, без непомерных притязаний,
Я на себя роль зеркала возьму
И отражу лишь то, что очевидно
Для посторонних, но не для тебя.
Во мне же, честный Брут, не сомневайся.
Я не из низкопробных тех натур,
Что надо всем презрительно смеются,
И не из пошляков, что всем милы,
Не лъщу в глаза, не клевету заглазно,
С ничтожествами дружбы не вожу.
Я под хмельком души не открываю,
Поскольку не бываю во хмелю.
Я не кривое зеркало – не бойся.

Трубы и крики.

БРУТ

Боюсь другого. Слышишь, как кричат?
Они его диктатором, быть может,
Уже избрали.

КАССИЙ

Ты бы не хотел
Подобного исхода?

БРУТ

О, конечно!
Хоть я ему не враг. Но отчего
Ты так затягиваешь предисловье?
Пора уже и к делу перейти.
Когда оно общественного блага
Касается, тогда уравновесь
Ты честь и смерть – и предложи мне выбор,
Увидишь сам: я обе изберу.
И пусть меня возлюбят боги так же,
Как сам люблю я честь сильней, чем жизнь.

КАССИЙ

Да, мне твои достоинства известны,
Как облик твой наружный. Хорошо,
Тогда и будем говорить о чести.
Не знаю, как другие или ты,
Но я бы жить не мог при тирании,
Не мог бы унижения сносить,
Тем более от равного. Как Цезарь,
Мы родились свободными людьми,
Как он, всосали с молоком свободу.
И непогоду мы перенесем
Не хуже Цезаря, а то и лучше.
Однажды в бурю яро Тибр ревел,
Из берегов выплескиваясь. Помню,
Как Цезарь мне сказал: «А ты дерзнешь
В поток бурлящий кинуться и гневу
Державному его противостать?».
Не говоря ни слова, я в одежде
Поплыл и за собой его позвал.
Он так и сделал. Волны напирали
Со всех сторон. Отбрасывая их,
Мы долго, долго бились со стихией,
Все мышцы напрягая, а сердца
У нас горели волею к победе.
Но тут великий Цезарь изнемог.
Он закричал: «Тону! На помощь, Кассий!».
И вот, как славный прашур наш Эней
Анхиза вынес из горящей Трои,
Так Цезаря я вынес на плечах
Из тибрских вод, неистово кипящих.
И этот человек обожествлен,
А Кассий должен почитать за счастье
Его высокомерные кивки.
В Испании страдал он лихорадкой.
Его трясло. Да, да, его трясло!
Представь, что боги иногда трясутся!
Я за одним припадком наблюдал:
Уста божественные побелели,
Взор, заставлявший трепетать весь мир,
Был затуманен. И язык, который
Потомству изреченья дарил,
Теперь иное изрекал: «Титиний!
Подай мне пить!». Недужное дитя

Так раскисать, пожалуй, постыдится.
И он, с величием призрачным своим,
Теперь повелевает целым миром
И держит пальму первенства – один!

Крики. Трубы.

БРУТ

Мы говорим о призраке тиранства,
А призрак обретает плоть и кровь.

КАССИЙ

Наш эфемерный мир собой заполнил
Колосс, едва стоящий на ногах,
Он оттого велик, что мы мизерны
И жалко мечемся у этих ног,
Себе же на погибель. Брут, запомни:
Мы сами создаем свою судьбу.
Нас не влиянье звезд поработает,
А наша трусость. Брут – и Цезарь: кто
Из этих двух достоин предпочтенья?
Чье имя благороднее звучит,
И чье величественней начертанье?
И разве духи не придут на зов,
Услышав имя «Брут»? Да сами боги
Едва ли станут это отрицать.
Так почему повсюду имя «Цезарь»?
И чем питался он, что так возрос?
Несчастный Рим эпохи вырожденья!
На поколение – лишь один герой,
Один лишь гражданин – на целый город!
Позорища такого со времен
Великого потопа не бывало!
А мы когда-то думали, что Рим –
Великий город. Ныне эти стены
Вместить способны только одного.
А нам когда-то деды говорили,
Что в этом городе жил некий Брут.
Он мог изгнать из Рима даже черта,
И уж во всяком случае – царя.

БРУТ

Я знаю, ты мне друг, и понимаю,
Зачем завел ты этот разговор.
Но, извини, и так я растревожен,
И мне покамест лучше помолчать.
Слова твои, как следует, осмыслю.
Добавить что-то хочешь – говори.
Но обсуждать мы это будем позже.
Сейчас же знай, мой благородный друг:
Я предпочел бы стать провинциалом,
Чем в Риме жить. Такие времена.

КАССИЙ

Я все же смог из Брута искру высечь
Ударами своих убогих слов.

БРУТ

Всё кончено. Идет обратно Цезарь.

КАССИЙ

Тронь Каску за руку, когда пройдут.
И он нам сардонически изложит
Детали исторического дня.

Возвращается ЦЕЗАРЬ со свитой.

БРУТ

Смотри: они на призраков похожи!
Сам Цезарь хмур. Кальпурния бела.
Как у хорька, глаза у Цицерона:
Они такой же яростью горят,
Когда ему какой-нибудь сенатор
Сказать посмеет слово поперек.
Они идут, как будто их побили.

КАССИЙ

Сейчас нам Каска это разъяснит.

ЦЕЗАРЬ

Антоний!

АНТОНИЙ

Цезарь?

ЦЕЗАРЬ

Я желаю видеть
В кругу своем лишь избранных людей:
Лощеных, ладных и невозмутимых.
Ты посмотри, как этот Кассий худ!
Он, безусловно, человек опасный.

АНТОНИЙ

Нет, нет, бояться незачем его.
И гражданин, и человек он добрый.

ЦЕЗАРЬ

Он человек худой! Я не боюсь.
Но если б я на это был способен,
То опасался б именно его.
Читает слишком много, наблюдает,
Без приглашенья лезет в суть вещей,
Не любит зрелищ и увеселений,
Не то что ты, Антоний. И еще:
Когда он усмехается, то будто
С презрением к себе же самому:
Что на такую мимику способен.
Покою он лишается, когда
Его хоть кто-то в чем-то превосходит.
Уж я-то знаю этот сорт людей!
Они опасны. Нет, не мне, конечно, –
Я Цезарь, – но опасны вообще.
Стань справа: этим ухом я не слышу –
И говори, что думаешь о нем.

ЦЕЗАРЬ уходит со всей свитой, кроме КАСКИИ.

КАСКА

Зачем ты задержал меня? Что скажешь?

БРУТ

Что там случилось? Отчего он зол?

КАСКА

А ты сам разве не знаешь?

БРУТ

Если бы я знал, разве спрашивал бы?

КАСКА

Железная логика. Так вот, ему предложили корону, которую он тут же оттолкнул. Тогда толпа выразила бурный восторг воплями радости.

БРУТ

А второй раз отчего кричали?

КАСКА

Да оттого же!

КАССИЙ

А в третий раз? Ведь кричали трижды?

КАСКА

Опять из-за того же.

БРУТ

Так корону предлагали трижды?

КАСКА

Вот именно, трижды. И он трижды ее отталкивал, причем с каждым разом более вяло.

КАССИЙ

И кто же предлагал?

КАСКА

Антоний.

БРУТ

Каска, будь добр, расскажи об этом во всех подробностях.

КАСКА

Во всех я не смог бы при всем желании, хоть убейте. А в общем это был примитивнейший фарс для плебеев. Смотреть было тошно (вот уж что правда то правда!). Я видел, как Антоний преподнес ему корону – даже не корону, а такую маленькую коронку, и, как было сказано, Цезарь ее оттолкнул, но не без признаков сожаления. Антоний повторил попытку, Цезарь снова оттолкнул, едва отлепив от нее пальцы. Антоний сделал третье поползновение, Цезарь в третий раз повторил свой жест, и всякий раз чернь орала, бурно рукоплескала. По причине столь величественного поведения своего идола эти дурни кидали вверх просмердевшие потом колпаки и заражали атмосферу своим дыханием. Цезарь не выдержал и упал. Что до меня, то я не расхохотался только потому, что боялся нахлебаться этого злосмрадия.

КАССИЙ

Цезарь упал?

КАСКА

Упал с пеной у рта, и язык у него отнялся.

БРУТ

А что удивительного, он же эпилептик.

© Перевод А. В. Флори, 2008

© БД «Русский Шекспир», 2008

КАССИЙ

Не он эпилептик, а ты сам. И еще я, и Каска. Мы все страдаем падучей болезнью.

КАСКА

Не знаю, что ты имеешь в виду. Однако упал Цезарь. И чернь от восторга шикала и била в ладоши, будто на представлении мимов. Чтоб я пропал, всё было именно так.

БРУТ

А что он сказал, когда пришел в себя?

КАСКА

Еще до падения, заметив, что эти идиоты в экстазе от его пантомим, он распахнул одежду и предложил всадить ему кинжал в глотку. На месте тупых ремесленников я понял бы его буквально и поймал на слове, провалиться мне на этом месте! Тут он и забился в корчах – жаль, что в не в агонии. Очухавшись, он попросил прощения у добрых сограждан, *если* вел себя не совсем подходящим образом – дескать, в этот виновато недомогание. Три-четыре добрые согражданки простили ему это падение, ибо они и сами могли бы называться падшими. Они даже воскликнули: «Ах, душка!». Впрочем, это ничего не значит. Убей Цезарь их матерей, они поступили бы так же.

БРУТ

И поэтому он ушел опечаленный?

КАСКА

Да.

КАССИЙ

А Цицерон сказал что-нибудь?

КАСКА

Да, но не по-нашему, а по-гречески.

КАССИЙ

А что именно?

КАСКА

А я что-нибудь понял из этой греческой ахинеи? Если да, то чтоб я больше никогда не увидел ваших лиц. Но которые поняли, те ухмылялись и перемигивались, качая головами. А вот еще новость: Марулла и Флавия лишили слова в сенате за то, что они срывали украшения с истуканов Цезаря. Ладно, я пошел. Много там было еще всяких глупостей, но всего не перескажешь.

КАССИЙ

Не хочешь ли прийти сегодня ко мне на ужин, Каска?

КАСКА

Я уже зван в другое место.

КАССИЙ

Тогда приходи завтра на обед.

КАСКА

Приду, если буду жив, если ты не передумаешь и если обед будет стоящий.

КАССИЙ

Тогда я тебя жду.

КАСКА

Хорошо. Прощайте оба.

(Уходит.)

БРУТ

Он стал каким-то увальнем сейчас.
А в школе был сметливым и подвижным.

КАССИЙ

Нет, он не изменился. Ты при нем
Заговори о смелом предприятии –
Он тут же встрепенется. Он не прост,
А если грубоват, то пряность речи
Не позволяет подавиться нам
Его остротами.

БРУТ

Пожалуй, верно.
До завтра, Кассий. Я к тебе приду,
Иль сам ты приходи – и всё обсудим.

КАССИЙ

Пожалуй, я приду. А ты пока
Поразмышляй о нашем бренном мире.

БРУТ уходит.

КАССИЙ

Конечно, я не сомневаюсь, Брут,
Что ты из благородного металла.
Но и прекраснейшие из людей
С пути прямого иногда сходили.
И значит, души честные должны
Держаться и поддерживать друг друга.
Кто может поручиться за себя?
Я ненавистен Цезарю, но Брута
Он любит. Если Брутом был бы я,
Меня бы это не остановило.
Не остановит ли его – как знать!
Подброшу Бруту ночью письма, как бы
Написанные разными людьми,
О том, что значит имя «Брут» для Рима
И что опасен Цезарь, как никто,

Своим неукротимым честолюбьем
Мы вырвем у него незримый трон
Иль доживем до мерзостных времен.

Уходит.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Улица.

Гром и молния.

*Входят с разных сторон КАСКА, с обнаженным мечом,
и ЦИЦЕРОН*

ЦИЦЕРОН

А, Каска! Ты от Цезаря идешь?
Ты тяжело дышишь и глядишь так странно.

КАСКА

А ты, конечно, твердость сохранил,
Когда аморфной стала твердь земная!
О Цицерон! Я что – не видел бурь?
Еще какие! Молнии крушили
Столетние дубы! И, обуян
Какою-то вселенскою гордыней,
Плескался океан до самых туч
И в них бросал сверкающую пену.
Я видел в бурю воду и огонь,
Но чтоб они слились, объединились –
Такого не было. Одно из двух:
Иль боги меж собой переругались,
Иль, ненавидя грешный род людской,
Решили истребить его навеки.

ЦИЦЕРОН

Не видел ли ты знамений каких?

КАСКА

Один общинный раб – его ты знаешь –
Вдруг поднял руку – и она зажглась,
Как двадцать факелов одновременно,
Однако не сгорела и ничуть
Не опалилась. А затем я встретил
Льва возле Капитолия (с тех пор
Меча еще не вкладывал я в ножны).
Лев злобно покосился на меня,
Однако не напал и удалился.
Еще я встретил сотню диких жен –
Или, верней, от страха одичавших.
Они видали огненных людей,
Которые по городу шныряли.
Вчера на площади средь бела дня
Уселся с уханьем зловещий филин.
Есть многое на свете, Цицерон,
Чего никак не назовешь нормальным.
И если в Риме всё это сошлось,
Нам эта дрянь добра не предвещает.

ЦИЦЕРОН

Феномены, конечно, не из тех,
Которые типичны для природы.
Но, может быть, естественны они,
И только ложно их истолкованье?
Так завтра Цезарь явится в сенат?

КАСКА

Да, он придет. И должен был Антоний
Тебе об этом сообщить.

ЦИЦЕРОН

Прощай.
Не лучшая погода для прогулок.

КАСКА

Прощай.

ЦИЦЕРОН уходит. Входит КАССИЙ.

КАССИЙ

Эй, кто здесь?

КАСКА

Римлянин.

КАССИЙ

Когда

Я не ослышался, ты – Каска?

КАСКА

Верно.

Ну, Кассий, как погодка?

КАССИЙ

В самый раз

Для честных граждан.

КАСКА

Кто бы мог представить,

Такое возмущение небес?

КАССИЙ

Представить мог бы тот, кому известно,
Что скверной переполнена земля.
Но, видишь, я не спрятался от бури,
Наоборот – одежду распахнул
И грудь подставил стрелам синих молний,
Плоть неба разверзающих. Себя
Для этих молний сделал я магнитом.

КАСКА

И что за блажь – так искушать судьбу?
Послали боги нам предупрежденья,

© Перевод А. В. Флори, 2008

© БД «Русский Шекспир», 2008

Которые должны мы воспринять
И раболепно, и благоговейно.

КАССИЙ

Как ты убог! Понять я не могу:
Не то лишен ты воодушевления,
Не то его скрываешь ото всех.
Увидел нечто странное – и сразу
Готов уж раболепно трепетать.
А иногда и думать не мешает.
Когда блуждают духи и огни,
Когда животные своей натуре
Не следуют, глупеют старики
(Что, если вдуматься, не так уж странно),
Младенцы начинают прорицать,
Когда меняет всё свою природу,
Вполне естественно предположить:
Все образы чудовищные эти –
Прямые указания небес,
Что вывихнуто наше государство.
А если эти ужасы сложить,
Они напоминают человека,
Похожего на грозовую ночь:
Он молниями бьет и громыхает,
Тревожит тени мертвецов, рычит,
Как лев capitoлийский. Он не выше,
Чем ты и я, однако вырос так,
Что стал страшнее всех ночных кошмаров.

КАСКА

Догадываюсь, как я ни убог,
Что это Цезарь.

КАССИЙ

Может быть, и Цезарь.
Существенней другое: сила, стать
У нас такие же, как и у предков.
Но умер в нас великий дух отцов.
Воспринимая всё по-матерински,
Мы женственно влачим свое ярмо.

КАСКА

Сенат, я слышал, завтра соберется,
Чтоб Цезаря провозгласить царем.
И будет он носить корону всюду:
На суше и на море – но не здесь,
В Италии.

КАССИЙ

Тогда найду я дело
И место для кинжала своего.
Лишь Кассий сделает себя свободным.
Так боги слабым силы придают,
Так деспоты становятся бессильны.
Свободный дух не признает цепей,
Оков, и карцеров, и казематов.
И жизнь, которой тесен целый мир,
Всегда способна вырваться из плена.
Пускай узнает свет, что я не слаб
И буду счастлив свергнуть часть тиранства,
Которая касается меня.

Удар грома.

КАСКА

И я. Да что там я! И раб последний
Таким путем себя освободит.

КАССИЙ

Но как решился Цезарь стать тираном?
Несчастный! Вероятно, он решил,
Что мы – бараны или антилопы,
Так почему не волк он и не лев?
Кто хочет распалить пожар, сначала
Солому поджигает. На распыл
Пускают Рим! Что он за дрянь, однако!
Сгореть готов затем, чтоб озарить
Такого подлеца, как этот Цезарь!
Но, скорбь, куда меня ты завела?
Так, увлеченный чувством, я, быть может,
Открылся добровольному рабу?

Тогда я за слова свои отвечу.
Я человек отчаянный, а меч
Всегда со мною.

КАСКА

Ты открылся Каске,
Который иногда бывает злым,
Но никогда не подлым. Дай мне руку.
Восстань, зайди, как можно, далеко –
Увидишь: от тебя я не отстану.

КАССИЙ

Мы навсегда товарищи с тобой.
Уже вовлек я в это дело многих
Весьма достойно мыслящих людей.
Затея наша доблестно-опасна.
И эти люди собрались сейчас
У портика великого Помпея.
Все остальные по домам сидят.
А нам стихии бурные отрадны:
Они кровавы, пламенны, страшны,
И этим нас самих напоминают.

КАСКА

Будь осторожен! Кто-то к нам идет.

КАССИЙ

А, это Цинна. Мне его походка
Знакома. Это друг.

Входит ЦИННА.

Куда идешь,
О Цинна?

ЦИННА

Я искал тебя повсюду.
С тобою рядом кто? Метеллий Цимбр?

КАССИЙ

Нет, Каска. Что, меня там ожидают?

ЦИННА

Так Каска с нами? Очень хорошо.
Вот ночь-то! наших двое или трое
Сподобились увидеть чудеса
И ужасы.

КАССИЙ

Там ждут меня?

ЦИННА

Да, Кассий.
Неплохо бы и Брута к нам завлечь.

КАССИЙ

Вот и займись-ка этим, добрый Цинна.
Записку эту Бруту подложи
На преторское кресло. Кинь вторую
В окно ему. А третью прилепи
К статуе Брута древнего. А после
Ты к портику Помпея приходи.
Мы будем там. Брут Деций и Требоний
Пришли?

ЦИННА

Все в сборе, Цимбра только нет,
А он пошел к тебе. Давай записки,
Я их доставлю.

КАССИЙ

Приходи потом
В театр Помпея.

ЦИННА уходит.

Каска, мы с тобою
Наведемся к Бруту до утра.
Он с нами на три четверти, а после
Беседы этой весь он будет наш.

КАСКА

Он высоко стоит в народном сердце,
И то, чего бы не простили нам,
Народ признает доблестью для Брута.
Брут, как алхимик, все преобразит.

КАССИЙ

Да, без него мы обойтись не сможем –
Ты понял правильно. Идем скорей.
Давно уж за полночь. Разбудим Брута
И с нами будет он при свете дня.

Уходят.

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Рим. Сад Брута.

Входит БРУТ.

БРУТ

Эй, Луций, встань! Я не могу по звездам
Понять, когда придет рассвет! Вставай!
Хотел бы я страдать таким пороком
И беспробудно спать! Эй, Луций, встань!

Входит ЛУЦИЙ.

ЛУЦИЙ

Ты звал, мой господин?

БРУТ

Неси светильник
В покой ко мне, потом за мной придешь.

ЛУЦИЙ

Сейчас исполню, господин.

ЛУЦИЙ уходит.

БРУТ

Всё ясно:
Он жить не должен. Смерть его не мне —
Она для блага всех необходима.
Сиянье власти Цезаря влечет,
Но вот вопрос: как власть его изменит?
Когда на солнце выползает гад,
Разгуливать не станешь, где угодно.
Быть может, Цезаря короновав,

Его снабдим мы зубом ядовитым,
И сами страдаем оттого?
Вдвойне страшней капризный самодержец,
Когда не знает сострадания он,
Когда всевласть с совестью в разладе.
Я не скажу, что Цезарь – раб страстей,
Что он не подчиняется рассудку,
Но самообладанье гордеца,
Подобно лестнице, как всем известно.
Покуда наша гордость молода
И только начинает восхождение,
То держится за лестницу, всегда
Перед собою зря ее ступени.
От лестницы ее не оторвать,
Но позже, оказавшись на вершине,
Уже не видит лестницы гордыня
И начинает небо созерцать.
Вот так и Цезарь: он на всех наступит
И отвернется. Не бывать тому!
Пусть нет еще для ссоры оснований
И чувство меры ведомо ему,
Но после коронации – кто знает –
Он все границы может перейти.
В нем было бы разумно видеть змея,
Таящегося в хрупкой скорлупе.
Со временем и он нальется ядом.
Так лучше зло в зародыше убьем.

ЛУЦИЙ возвращается.

ЛУЦИЙ

Светильник я отнес, а перед этим
Искал кресало на окне, и там
Увидел запечатанный папирус.
Уверен: раньше не было его.

(Передает Бруту письмо)

БРУТ

Ложись, рассвет не скоро. Иды марта
Ведь завтра?

ЛУЦИЙ

Я не знаю, господин.

БРУТ

Глянь в календарь.

ЛУЦИЙ

Сейчас пойду узнаю.

(Уходит)

БРУТ

Зарницы полыхают так, что я
Могу читать при этом освещенье.

(Распечатывает письмо и читает)

«Ты спишь, о Брут! Проснись, узнай себя.
Рим обречен» и дальше в тексте пропуск.
«Восстань, ударь, исправь». Итак, я сплю.
Забавно, хоть и не оригинально:
Об этом я читал уже не раз.
«Рим обречен» – конечно же, на рабство –
На что ж еще! «Проснись, узнай себя».
Мне надлежит в себе увидеть предка,
Что от Тарквиния избавил Рим.
«Восстань, ударь, исправь». Они считают,
Меня на дело не способным. Что ж!
Когда сумеет кто-то Рим «исправить»,
То это будет Брут или никто.

ЛУЦИЙ возвращается.

ЛУЦИЙ

Мой господин, календы миновали.

Стук.

БРУТ

Все ясно. Там стучатся. Отвори.

ЛУЦИЙ уходит.

Когда заговорил со мною Кассий
О Цезаре, с тех пор не спится мне.
Все время я в полубреду каком-то.
Я целою эпохой отделен
От первого на заговор намека.
И завтра призрак воплотится в жизнь.
Дух управляет нашим бранным телом,
Но если он в борьбе с самим собой,
Весь органон подобен государству,
Которое объято мятежом.

ЛУЦИЙ возвращается.

ЛУЦИЙ

Тебя желает видеть брат твой Кассий.
Он ждет у входа.

БРУТ

Больше никого?

ЛУЦИЙ

С ним много и других.

БРУТ

И ты их знаешь?

ЛУЦИЙ

Я никого из них узнать не смог:
Они плащами лица закрывают.

БРУТ

Сюда их всех веди.

ЛУЦИЙ уходит.

БРУТ

Итак, ко мне
Явились заговорщики. Восстанье
Свой лик скрывает даже в темноте,
Когда раскрепощаются злодейства!
А как же быть ему при свете дня?
Ведь не укроет даже в катакомбах
Бунт своего ужасного лица.
Ему не помогла б и тьма Эреба.
Мятеж, свою природу маскируй
Улыбками и лживым этикетом.
Быть может, это оградит тебя
От подозрений, хоть и ненадолго.

*Входят, прикрыв лица, КАССИЙ, КАСКА, ДЕЦИЙ БРУТ, ЦИННА,
МЕТЕЛЛИЙ ЦИМБР и ТРЕБОНИЙ*

КАССИЙ

Прости, что разбудили.

БРУТ

Я не спал.
Я на ногах уже не меньше часа.
Мне спутники твои знакомы?

КАССИЙ

Да.
И все тебя настолько почитают,
Что было бы прекрасно, если ты
Их мнение о себе самом поделишь.
Требоний.

БРУТ

Я ему сердечно рад.

КАССИЙ

Вот Деций Брут.

БРУТ

Ему мое почтение.

КАССИЙ

Вот Каска, Цинна и Метеллий Цимбр.

БРУТ

Я всех приветствую. Что вас так тяжело
Гнетет, что все вы потеряли сон?

КАССИЙ

Позволь сказать наедине два слова.

БРУТ и КАССИЙ отходят.

ДЕЦИЙ БРУТ (*указывая на них*)

Вы не находите, что там восток?
Всё проясняется.

КАСКА

Ты полагаешь?

ЦИННА

Да, посветлела кромка облаков.
Мрак отступает.

КАСКА

Оба вы неправы.

Год только начался, и солнце там,
Куда я указал мечом, восходит,
Поближе к югу. Северней оно
Через два месяца переместится.
Вот и выходит, что сейчас заря
Займется над холмом Капитолийским.

БРУТ

Теперь подайте руки мне, друзья.

КАССИЙ

И клятвою скрепим решение наше.

БРУТ

Излишни клятвы! Разве мало нам,
Что граждане подавлены и хмуры,
Что набирает силу произвол,
Что мы ему потворствуем безвольно,
Что честь – пустое слово в наши дни,
Дух низости повсюду торжествует.
Коль недостаточно таких причин,
Тогда вернемся в праздные постели
И будем спать, пока нас не убьют.
Пусть торжествует наглое тиранство!
Но если в наших душах есть огонь,
То мы зажжем и самых боязливых,
Мы слабых женщин увлечем борьбой.
Нет, граждане, займемся общим делом.
Нам ни к чему пришпоривать себя
Еще и клятвами. Достоин римлян –
Обетов не давать, не тратить слов,
Но от решения не отступаться
И всё до мелочей осуществить –
Иначе мы отечеству не дети.
Пускай клянутся трус и лицемер,
Ничтожество, привыкшее к терпению,
Жрец и старик, что выжил из ума, –
Им не поверят на слово. Не стоит
Уподобляться этим существам:
И дело, и себя мы обесчестим.
В высоком деле чистым нужно быть.

КАССИЙ

А не вовлечь ли нам и Цицерона?
Он согласится, в том я убежден.

КАСКА

Да, это принесет большую пользу.

ЦИННА

Конечно!

МЕТЕЛЛИЙ

Серебро его седин
Подкупит чернь и всем нам обеспечит
Расположение народных масс.
Пусть думают, что он наш вдохновитель.
К тому ж, его благообразный вид
Прибавит нам солидности и нашу
Неопытность укроет ото всех.

БРУТ

Нет, он из одного лишь честолюбья
К чужому предприятию не примкнет.

КАССИЙ

Да, я уверен, он не согласится.

КАСКА

Да и какая польза от него!

ДЕЦИЙ БРУТ

Мы тронем, кроме Цезаря, кого-то?

КАССИЙ

Вот, Деций, в точку! Думаю, за ним

Последует немедля Марк Антоний.
У них обоих как бы общий дух –
Вот пусть он их обоих и покинет.
Антоний принесет нам много зла:
Ведь он влиятелен и вероломен.
Поэтому предупредим беду.
Антоний должен пасть!

БРУТ

Не нужно крови
Излишней. Если голову отсечь,
Тогда бессмысленно четвертованье.
Антоний – тела Цезарева часть.
Дух Цезаря – вот враг наш настоящий,
А дух бескровен. Мы не мясники,
И наше дело – жертвоприношение.
Хотел бы я дух Цезаря убить,
Не тронув тела. Это невозможно.
Пусть из-за духа пострадает плоть –
Как можно меньше. Совершим закланье
Бестрепетно-беззлобною рукой.
Друзья! Богам мы приготовим пищу,
Не искромсаем тело псам на корм.
Поступим, как хозяин хитроумный,
Который может подстрекать рабов
К делам жестоким и потом для вида
Бранить. Так уподобимся ему.
Не предаваясь самобичеванью,
Вину признаем, но и подчеркнем,
Что это тяжкая необходимость,
А не злодейство. Люди нас поймут.
Насчет Антония не беспокойтесь:
Без духа Цезарева он – ничто
И будет, как рука, парализован.

КАССИЙ

Боюсь, что нет. Антоний дышит им!
И действовать он будет в том же духе.

БРУТ

А я его нисколько не боюсь.

Поскольку дышит Цезарем Антоний,
То, если он без Цезаря умрет,
Чего уж лучше для тебя? Но вряд ли:
Он слишком любит собственную жизнь
С ее хмельным разгулом и весельем.

ТРЕБОНИЙ

Смеясь, он будет даже горевать
По Цезарю. Не стоит опасаться
Людей такого сорта. Пусть живет.

Бой часов.

БРУТ

Вы слышите?

КАССИЙ

Пробило три часа.

ТРЕБОНИЙ

Наверное, пора нам расходиться.

КАССИЙ

Еще два слова. Я не поручусь,
Что Цезарь выйти из дому решится.
Став бледной тенью самого себя,
Уверовал он в то, что существуют
И все иные тени; признает
Он сновиденья вещие, гаданья
И прочий вздор. Все эти миражи,
Что людям виделись сегодня ночью,
И бред авгуров могут помешать
Ему явиться завтра в Капитолий.

ДЕЦИЙ БРУТ

Не бойся, я к нему найду подход.
Он любит повторять, что уловляют
Единорога – деревом, сетью – льва,

Медведя – зеркалом, посредством ямы –
Слона, а люди ловятся на лесть.
Я говорю, что лесть он презирает, –
Он верит, не желая понимать,
Что это форма лести изощренной.
И самолюбью Цезаря польстит
Прийти в сенат, презрев предупрежденья.

КАССИЙ

Давайте лучше все пойдем за ним.

БРУТ

Я думаю, в восьмом часу, не позже.

ЦИННА

Не опоздайте, это крайний срок.

МЕТЕЛЛИЙ ЦИМБР

Да, вот что мы забыли: Гай Лигарий
Помпея как-то помянул добром
И оскорблен был Цезарем. Конечно,
Он присоединится к нам.

БРУТ

Да, да!
Зайди за ним, пожалуйста. Мы дружим,
И я смогу его уговорить.

КАССИЙ

А между тем светает. Разойдемся.
Запомним все, что здесь произошло,
И будем верными сынами Рима.

БРУТ

А заодно актерами его:
Товарищи, храните вид спокойный
И хорошо сыграйте роль свою,

Ничем не выдавая тайных мыслей.
Пусть удачным будет этот день.

Уходят все, кроме БРУТА.

А Луций-то опять заснул. Счастливец!
Что ж, насладись медвяной брагой сна.
Тебе ведь незнакомы привиденья –
Те, что заполонили нашу жизнь.
Ты всю историю проспичь спокойно.

Входит ПОРЦИЯ.

ПОРЦИЯ

Брут, мой супруг!

БРУТ

Да, Порция? Зачем
Ты рано встала? Утренняя сырость
Тебе вредна.

ПОРЦИЯ

Не больше, чем тебе.
Бесцеремонно ты оставил ложе.
А вечером ты встал из-за стола,
Ходил по комнате, скрестивши руки.
К тебе я обратилась. На меня
Ты бросил взгляд невидящий. Я снова
Спросила, что с тобой. Ты лоб потер
И не ответил, топнув лишь ногою.
Но я не отставала, и тогда
Ты жестом повелел мне удалиться.
Ушла я, чтоб тебя не раздражать,
Надеясь, что ты попросту не в духе
От меланхолии, поскольку мы
От своего характера зависим.
Но ты утратил сон и аппетит,
Молчишь. И стал бы ты неузнаваем,
Коль изменился бы твой внешний вид,
Как внутренний. Пожалуйста, откройся.
Скажи, супруг мой, что тебя гнетет.

БРУТ

Я нездоров, и только.

ПОРЦИЯ

Неужели?
Ты образован и легко бы мог
С болезнью справиться.

БРУТ

Я принял меры
Не беспокойся и ложись.

ПОРЦИЯ

О нет!
Брут болен? Так зачем полуодетым
Он впитывает утренний туман?
Брут болен? Так зачем встает с постели
Дышать тлетворным воздухом ночным?
Какое необычное лечение:
Болезнью новой изгонять болезнь!
Нет, если Брут и болен, то душою.
Хоть ты жене обязан всё сказать,
Тебя я заклинаю на коленях
Своею – славной прежде – красотой,
Любовными обетами твоими
И сочетавшей нас у алтаря
Великой клятвою, что превратила
Нас в андрогина – посвети меня,
Свою же собственную половину:
Чем ты подавлен? Были у тебя
Шесть или семь таинственных пришельцев,
Скрывавших лица даже в темноте.

БРУТ

Встань, дорогая Порция.

ПОРЦИЯ

Не стала б
Я падать на колени перед тем,
Кого я прежде знала и любила
Как Брута. Разве брачный наш контракт
Мне запретил делить твои заботы?
Не для того я вышла за тебя,
Чтоб только за столом или на ложе
С тобою видеться и говорить
О пустяках. Но ты меня из сердца
В его предместье переселил,
Насильственно мои права урезав.
Наложницей я стала – не женой.

БРУТ

Ты верная, достойная супруга.
Ты точно так же в сердце у меня,
Как кровь и, к сожаленью, как тревога.

ПОРЦИЯ

Тогда тем более мне объясни,
В чем заключается тревога эта.
Я только женщина, должна признать,
Но Брут избрал меня своей женою.
Я только женщина, должна признать,
Но благородного происхожденья –
Дочь самого Катона. И отцу,
И мужу я смогу быть соразмерна.
Такие женщины – не «слабый пол».
Любую тайну можешь мне доверить.
Однажды я ударила себя
Ножом в бедро, и боль перетерпела.
Такие женщины не предают.

БРУТ

О, чтоб я был такой жены достоин!

Стук в дверь.

Стучат. Покамест, Порция, ступай.

Ты скоро всё узнаешь. Кто там, Луций?

ПОРЦИЯ уходит.

Входит ЛУЦИЙ, с ним – ЛИГАРИЙ

ЛУЦИЙ

К тебе больной какой-то.

БРУТ

А! Ступай.

ЛУЦИЙ уходит.

Мне про тебя рассказывал Метеллий.
Ведь ты Лигарий?

ЛИГАРИЙ

Слабым языком
Приветствую тебя.

БРУТ

Весьма некстати
Твои бинты, Лигарий.

ЛИГАРИЙ

Для меня
Одно лекарство – доблестное дело.
Есть у тебя такое средство, Брут?

БРУТ

Когда тебе до этого есть дело,
Тогда найдется дело для тебя.
Готов ты выслушать меня, Лигарий?

ЛИГАРИЙ

Всем римским пантеоном поклянусь:

© Перевод А. В. Флори, 2008

© БД «Русский Шекспир», 2008

Болезнь моя прошла. Все называют
Тебя душою Рима. Ты вдохнул
В меня частицу собственного духа.
Ты, как кудесник, исцелил меня.
И я готов пойти на что угодно,
Сраженье безнадежное вести
И победить. Так говори, в чем дело!

БРУТ

Мы Рим больной должны оздоровить.

ЛИГАРИЙ

И удалить, конечно, уд гангренный?

БРУТ

И это тоже. Мы сейчас пойдем
К тому, кого мы удалим из Рима.
В детали операции тебя
Я по дороге посвящу.

ЛИГАРИЙ

Охотно!
Ступай вперед. За Брутом я пойду
Не рассуждая.

БРУТ

Так иди за мною.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Дом Цезаря.

Входит ЦЕЗАРЬ в ночном халате.

ЦЕЗАРЬ

Нет мира в небесах и на земле.
Кальпурния во сне кричала трижды,
Что убивают Цезаря. Кто там?

Входит СЛУГА.

СЛУГА

Да, господин?

ЦЕЗАРЬ

Ступай к волхвам. Немедля
Пусть жертву принесут. И мне потом
Ответ их сообщишь.

СЛУГА

Я всё исполню.

СЛУГА уходит.

Входит КАЛЬПУРНИЯ.

КАЛЬПУРНИЯ

Ты, Цезарь, собираешься уйти?
Но выходить тебе нельзя сегодня.

ЦЕЗАРЬ

Нет, Цезарь выйдет. Он лицом к лицу
Еще с опасностями не встречался.
Они бежали сами от него.

КАЛЬПУРНИЯ

К пророчествам была я равнодушна
До некоторых пор. Сейчас не то.
Как нынешняя ночь была ужасна!
И стража толковала о вещах
Столь противоестественных и диких,

Что невозможно и вообразить:
На улице вдруг львица окотилась;
Могилы исторгали мертвецов;
А в тучах бились огненные рати,
На Капитолий изливая кровь,
Оружие гремело, ржали кони,
Стонали раненые. Мертвецы
На улицах невнятицу мололи.
Есть от чего встревожиться.

ЦЕЗАРЬ

Отнюдь!

Как можно промысла богов избегнуть?
Нет, Цезарь выйдет! Кто сказал, что эти
Феномены относятся к нему?
А почему не к остальной вселенной?

КАЛЬПУРНИЯ

До голытьбы нет дела небесам,
Кометы угрожают смертью принцам.

ЦЕЗАРЬ

Трус расстается с жизнью много раз.
Отважный умирает лишь однажды.
А я вот никогда не понимал,
Как может человек бояться смерти,
Раз он не вечен, волею богов.
Вот чудо из чудес, что мне известны.

Возвращается СЛУГА.

Ну, что тебе гадатели сказали?

СЛУГА

Что лучше бы тебе не выходить:
У жертвы сердца не было.

ЦЕЗАРЬ

Беспорно,

Здесь аллегория, что Цезарь мог
Стать жертвой собственного бессердечья,
Когда бы малодушие проявил.
Однако не проявит. Цезарь выйдет!
Когда опасность – львица, Цезарь – лев.
Он сам ее опасней и грознее.

КАЛЬПУРНИЯ

Ты призраками тешишься, увы!
Неужто здравый смысл тебя покинул?
Боишься малодушие проявить?
Тогда пускай я буду малодушна.
Останься! Обвини во всем меня.
Скажись больным. Антония отправим
К сенаторам. Прошу, не выходи.
Я на колени стану.

ЦЕЗАРЬ

Что ж, согласен.
Давай пошлем Антония, пусть объяснит
Мое отсутствие недомоганьем.
Снисходит Цезарь к слабости твоей.

Входит ДЕЦИЙ БРУТ

А, Деций Брут пришел! Он всё и скажет.

ДЕЦИЙ БРУТ

Великий Цезарь, здравствуй. Я пришел,
Чтоб проводить тебя в сенат.

ЦЕЗАРЬ

Ты кстати.
Сенаторам привет мой передашь.
Сегодня Цезарь не желает выйти.
Сказать иначе было бы нельзя:
«Не может» – ложь, «не смеет» – ложь двойная.
«Он не желает» – так и скажешь всем.

КАЛЬПУРНИЯ

Скажи, он болен.

ЦЕЗАРЬ

Цезарь лгать не может.
Кто над вселенной длань свою простер
Победоносную, тот не боится
Со стариками откровенным быть.
Итак, скажи, чтоб Цезаря не ждали.

ДЕЦИЙ БРУТ

Но, Цезарь, ведь меня же засмеют!
Ты мне причину объясни хотя бы!

ЦЕЗАРЬ

Сенаторам довольно и того,
Что Цезарь не желает. Но тебе я
Как старший друг, причину изложу.
Моя жена Кальпурния просила,
Чтоб я не выходил. Приснилось ей,
Что статуя моя кровоточила,
Что из отверстий били сотни струй,
Как из фонтана. Римляне смеялись
И руки умывали кровью той.
Кальпурнию виденье ужаснуло,
И, на колени пав, она меня
Молила не ходить в сенат.

ДЕЦИЙ БРУТ

Превратно
Кальпурния истолковала сон.
Он предвещает доброе. Поскольку
Рим ликовал, фонтаном била кровь
Из статуи холодной – это значит,
Что духом Цезаря пропитан Рим:
Кровь Цезаря – источник животворный,
Способный даже камни оживлять,
И граждане спешат припасть к истоку
Щедрот и благоденствия – иным

Значенье сна не может быть.

ЦЕЗАРЬ

Прекрасно!

О, как ты всё умеешь объяснять!

ДЕЦИЙ БРУТ

Еще не объяснил я основного.
Решит сенат тебя короновать –
А ты явиться не желаешь! Это
Позор какой-то! В третий раз тебе
Корону предлагать никто не станет,
А то еще Кальпурнии опять
Пригрезится ужасное виденье.
Еще и скажут: «Что это за царь,
Который так от женских снов зависит!»
Прости, но я из дружбы откровенен,
А Цезарю я льстить бы не посмел.

ЦЕЗАРЬ

Кальпурния, мне и смешно, и стыдно,
Что я поддался страху твоему.
Теперь подать мне тогу. Цезарь выйдет!

*Входят ПУБЛИЙ, БРУТ, ЛИГАРИЙ, МЕТЕЛЛИЙ ЦИМБР,
КАСКА, ТРЕБОНИЙ, ЦИННА*

Ну, вот пришел и Публий – с той же целью.

ПУБЛИЙ

Привет мой Цезарю.

ЦЕЗАРЬ

Тебе привет.
Как рано встали вы! Иль не ложились?
И ты, Брут? Здравствуй, Каска. О, и ты,
Лигарий? Здравствуй. Как ты сдал, однако!
Болезнь с тобою круче обошлась,
Чем Цезарь. Час который?

БРУТ

Било восемь.

ЦЕЗАРЬ

Всех за почтительность благодарю.

Входит АНТОНИЙ

Глядите-ка! И ты, Антоний? Bravo!
Ну, от тебя никак не ожидал!
Прображничал всю ночь – и здесь, со всеми.
Приветствую тебе, Антоний.

АНТОНИЙ

И тебе,
Привет мой, величайший из великих.

ЦЕЗАРЬ

Эй, слуги, приготовьте всё! Увы,
Придется подождать вам всем. Метеллий,
Требоний, Цинна! Да, Требоний, ты
Зайди сегодня вечером. Мне нужно
С тобой поговорить. И ближе стой
Ко мне в сенате, чтобы не забыл я.

ТРЕБОНИЙ

Да, Цезарь, буду близко.

(В сторону)

Так, что ты
Почувствуешь – и сильно пожалеешь.

ЦЕЗАРЬ

Вина со мною выпейте, друзья.
И в Капитолий мы пойдем, как братья.

БРУТ (*в сторону*)

Здесь Цезарь, к сожалению, неправ,
И это омрачает сердце Брута.

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Улица неподалеку от Капитолия.

Входит АРТЕМИДОР, читая письмо

АРТЕМИДОР

«Цезарь! Усомнись в Бруте, избегай Кассия, близко не подходи к Каске, с Цинны не спускай глаз, не доверяй Требонию, следи лучше за Метеллием Цимбром; Деций Брут не любит тебя, ты был нехорош с Гаем Лигарием. Все они образуют единое существо, в которое вселился дух вражды к Цезарю. Если ты не бессмертен, прояви осторожность, но не перестарайся: репрессии порождают конспирацию. Да хранят тебя боги. Твой доброжелатель Артемидор».

Я на дороге стану, как проситель,
И Цезарю письмо свое отдам.
Прискорбно, что величью угрожают
Неутолимой зависти клыки.
Прочтешь мое письмо – спасешься, Цезарь.
А если нет – в союзе с ними рок.

Уходит.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Улица перед домом Брута.

Входят ПОРЦИЯ и ЛУЦИЙ.

ПОРЦИЯ

Пожалуйста, скорей беги в сенат!
Не отвечай, беги. Ну, что ж ты медлишь?

ЛУЦИЙ

Но ты мне порученья не дала.

ПОРЦИЯ

О, если бы ты мог вернуться прежде,
Чем я успею что-то поручить!
Не изменяй мне, верность, и твердыню
Меж сердцем и устами возведи.
Я духом мужественна и по-женски
Слаба: мне тайну трудно сохранить.
Ты здесь еще?

ЛУЦИЙ

Что делать мне в сенате?
Бежать туда – и что? Бежать назад –
И что?

ПОРЦИЯ

Узнай, здоров ли твой хозяин:
Он ночь не спал. Про Цезаря спроси:
Что делает, просители какие
Пришли к нему. Но тихо! Слышишь крик?

ЛУЦИЙ

Не слышу.

ПОРЦИЯ

Как же! Вслушайся получше:
Как будто крик и столкновенья шум
От Капитолия доносит ветер.

ЛУЦИЙ

Нет, госпожа, не слышу ничего.

Входит ПРОРИЦАТЕЛЬ.

ПОРЦИЯ

Поди сюда, любезный. Ты откуда?

ПРОРИЦАТЕЛЬ

Из дома своего.

ПОРЦИЯ

Который час?

ПРОРИЦАТЕЛЬ

Девятым.

ПОРЦИЯ

Цезарь вышел?

ПРОРИЦАТЕЛЬ

В том всё дело,
Что нет. Я жду, когда он здесь пройдет

ПОРЦИЯ

Прошенье у тебя к нему?

ПРОРИЦАТЕЛЬ

Пожалуй.
Хочу его за Цезаря просить,
Чтоб облегчил он Цезареву участь.

ПОРЦИЯ

Жизнь Цезаря в опасности?

© Перевод А. В. Флори, 2008

© БД «Русский Шекспир», 2008

ПРОРИЦАТЕЛЬ

Как знать!

Я опасюсь многого. Но лучше
Мне место попросторнее найти.
А то здесь слишком узко и опасно.
За Цезарем ведь движется толпа
Сенаторов, и преторов, и всяких
Просителей – пожалуй, старика
Еще растопчут. Но необходимо,
Чтоб он мое прошение получил.
Прощай.

Уходит.

ПОРЦИЯ

И я пойду. Слаба я все же.
О Брут, я за тебя молю богов...
Мальчишка слышит... Есть у Брута просьба,
И Цезарь может отказать ему...
О, мне не по себе. Скорее, Луций,
Беги и Бруту передай поклон.
Скажи, что весела я и здорова
И поскорее принеси ответ.

Уходят в разные стороны.

АКТ ТРЕТИЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Рим. Площадь перед Капитолием.

На площади – толпа.

В толпе – АРТЕМИДОР и ПРОРИЦАТЕЛЬ.

Трубы.

Входят

*ЦЕЗАРЬ, БРУТ, КАССИЙ, КАСКА, ДЕЦИЙ БРУТ, МЕТЕЛЛИЙ ЦИМБР,
ТРЕБОНИЙ, ЦИННА, АНТОНИЙ, ЛЕПИД, ПОПИЛИЙ, ПУБЛИЙ
и другие сенаторы.*

ЦЕЗАРЬ

Ну, вот и наступили иды марта.

ПРОРИЦАТЕЛЬ

Да, Цезарь, наступили – не прошли.

АРТЕМИДОР

Пожалуйста, прочти *цидулу*² эту.

ДЕЦИЙ БРУТ

Требоний также просит, чтобы ты
Прочел его нижайшее прошение.

АРТЕМИДОР

Начни, великий Цезарь, с моего:
Оно тебя касается всех ближе.

ЦЕЗАРЬ

Когда оно касается меня,
Тогда его не стану я касаться.
Последним самым я его прочту.

---

² В оригинале: “Nail, Caesar! read this schedule”.

© Перевод А. В. Флори, 2008

© БД «Русский Шекспир», 2008

АРТЕМИДОР

Нет, Цезарь, первым, и сейчас!

ЦЕЗАРЬ

Он спятил!

ПУБЛИЙ

Пошел отсюда прочь!

КАССИЙ

Зачем же ты
На улице суешь свое прошение?
Иди, как полагается, в сенат.

ЦЕЗАРЬ входит в здание сената.

Остальные следуют за ним. Сенаторы встают.

ПОПИЛИЙ

Желаю вам успеха.

КАССИЙ

В чем, Попилий?

ПОПИЛИЙ

Прощай.

Отходит к Цезарю.

БРУТ

Что он сказал тебе сейчас?

КАССИЙ

Успеха пожелал. Всё, мы раскрыты.

БРУТ

Подходит к Цезарю. Следи за ним.

КАССИЙ

Будь наготове, Каска. Брут, что делать,
Коль в самом деле заговор раскрыт?
Тогда сегодня Цезарь или Кассий
Не выйдет из сената. Я себя
Убью, не рассуждая.

БРУТ

И напрасно.
Глаза у страха слишком велики.
Попилий улыбается, и Цезарь
Нисколько не меняется в лице.

КАССИЙ

Требоний действует по уговору:
Антония уводит за собой.

ДЕЦИЙ БРУТ

А где Метеллий Цимбр? Ему пора уж
Свое прошение Цезарю подать.

БРУТ

Пошел. К нему примкните поплотнее
И подстрахуйте.

ЦИННА

Каска, ты удар
Наносишь первым.

ЦЕЗАРЬ

Все ли вы готовы?
Какие недостатки в государстве
Должны исправить Цезарь и сенат?

МЕТЕЛЛИЙ ЦИМБР

О Цезарь, величайший из великих!
Внемли моей покорнейшей мольбе...

(Становится на колени.)

ЦЕЗАРЬ

Предупреждаю, Цимбр, подобострастье
Влияет лишь на изменных людей,
Доверчивых и глупых, как мальчишки.
Для них законодательство – игра.
А перед Цезарем юлить не стоит.
Он слишком хладнокровен для того,
Чтоб растекаться от речей слащавых.
Кто думает иначе, тот безмозгл.
Ты, как тебе угодно, унижайся
И ползай предо мной, как спаниель,
Но если брат твой изгнан по декрету,
Бессильны жалкие твои мольбы –
Я отшвырну тебя с пути, как шавку.
Знай: Цезарь безупречно справедлив,
И он не милует без оснований.

МЕТЕЛЛИЙ ЦИМБР

Что ж, я не буду пред тобой скулить.
Но, может, более весомый голос
Помочь сумеет брату моему?

БРУТ

К руке твоей припав нелицемерно,
Вступаюсь за изгнанника и я.

ЦЕЗАРЬ

И ты, Брут?

КАССИЙ

Милосердья! Милосердья!

И Кассий униженьем не сочтет
Склонить колени пред тобою, Цезарь,
Чтоб Публий Цимбр прощенье получил.

ЦЕЗАРЬ

Я б уступил, но Цезарь вам не ровня.
Щадить других способен только тот,
Кто может сам вымалывать пощады.
Но Цезарь – как Полярная звезда:
Он не подвержен никаким влияньям
И так же благородно недвижим.
Светил превратных в небесах без счета:
Все искрятся, и все они – огонь,
Но лишь одна не трогается с места.
Вот так же и земля полна людей,
Все люди – это плоть, и кровь, и души,
И все превратны, кроме одного.
Лишь Цезарь не подвластен превращеньям.
Он неизменен в малом, как в большом.
И если Цимбра он изгнал из Рима,
Его решенье непоколебимо.

ЦИННА

О Цезарь!

ЦЕЗАРЬ

Прочь! Олимпа не свернешь!

ДЕЦИЙ БРУТ

Великий Цезарь!

ЦЕЗАРЬ

Брут, тебя почище, –
Зря на коленях расточал слова!

КАСКА

Тогда красноречивы будут руки!

*Вонзает кинжал в шею ЦЕЗАРЮ. ЦЕЗАРЬ хватается за руку.
Заговорщики наносят удары. Последним ударяет БРУТ.*

ЦЕЗАРЬ

И ты, Брут! Значит, Цезарь должен пасть.

Умирает.

Сенаторы и толпа разбегаются в панике.

ЦИННА

Тирана больше нет! Свобода! Воля!
И тирании дух искоренен!
Повсюду разнесите этот лозунг.

КАССИЙ

Вещать со всех общественных трибун,
Что тирании дух не возродится.

БРУТ

Куда же вы, сограждане, куда?
Дух тирании навсегда повержен!
Порядок прежний возродили мы.

КАСКА

Взойди на ростру, Брут.

ДЕЦИЙ

Ты, Кассий, тоже.

БРУТ

Где Публий?

ЦИННА

Здесь он, мятежом смятен.

МЕТЕЛЛИЙ ЦИМБР

Сейчас нам следует держаться вместе,
А то цезарианцы могут нас...

БРУТ

Не бойся. Публий, успокойся тоже.
Мы никому вреда не причиним,
Пусть оповестят об этом граждан.

КАССИЙ

Ступай, старик, себя побереги,
Чтоб ты не получил случайной раны,
Когда на нас накинута враги
Или народ, спасенный от тирана.

БРУТ

Несем мы сами груз своей вины,
И пострадать другие не должны.

Возвращается ТРЕБОНИЙ.

КАССИЙ

А где Антоний?

ТРЕБОНИЙ

Где? Да в щель забился!
Он малодушен! Если б только он!
Все в панике – мужчины, жены, дети,
Как если б судный день уже настал

БРУТ

Несчастные! Да им чего бояться?
Тем более что все, в конце концов,
Умрут – известно это и без парок.
И все-таки стремятся жизнь продлить.

КАССИЙ

И вместе с нею – прозябанье в страхе.
Кто сокращает жизнь на двадцать лет,
У страха смерти столько ж отнимает.

БРУТ

А если так, то смерть – не только зло.
Мы Цезаря избавили от страха,
Ему, возможно, этим послужив.
Склонимся, римляне, омоем руки
Мы Цезаревой кровью и мечи
Пурпурной влагой окропим и выйдем
С мечами алыми над головой
И с криками: «Свобода, мир и воля!»

КАССИЙ

Да, господа, омоемся в крови,
То будет презффектнейшая сцена,
Ее и через множество веков
Охотно будут представлять актеры
В тех странах, что еще не рождены.

БРУТ

И тело, что лежит у постамента,
Еще восстанет, и прольется кровь,
И так до бесконечности.

КАССИЙ

Возможно.
И всякий раз нас будут называть
Спасителями родины.

ДЕЦИЙ

Пора нам.

КАССИЙ

Идем за Брутом. И пускай за ним

Последуют все лучшие из римлян.

Входит СЛУГА.

БРУТ

Постойте! Вот Антония слуга.

СЛУГА

Мне господин велел пасть ниц пред Брутом
И так сказать: «Брут мудр, и благороден,
И смел, и честен. Цезарь был могучим,
Отважным, милосердным. И Антоний
Любил и чтил его, но и боялся.
А Брута предпочел бы он без страха
Любить и почитать. Коль Брут позволит
Антонию, за жизнь не опасаясь,
Прийти к нему, чтоб Цезаревой смерти
Узнать причину, то к живому Бруту
Антоний будет более пристрастен,
Чем к Цезарю покойному. Антоний
Последует за благородным Брутом
До часа смертного путем, который
Для них таинствен, и непредсказуем
Его исход». Так говорил Антоний.

БРУТ

Твой господин отважен и умен,
О нем никто худого не сказал бы.
Он истый римлянин. И я клянусь:
Антонию ничто не угрожает,
И разъяснения все получит он.

СЛУГА

Тогда пойду за ним.

СЛУГА уходит.

БРУТ

Хотел бы верить,

Что с нами будет он.

КАССИЙ

О, если б так!
Но мне подсказывает добрый гений,
Который не обманывал меня,
Что Марк Антоний нам весьма опасен.

Входит АНТОНИЙ.

БРУТ

А вот он сам. Приветствую тебя!

АНТОНИЙ

Великий Цезарь, ты лежишь так низко!
И все завоевания твои,
Триумфы, слава, почести, трофеи –
Всё съезжилось и уместилось здесь.
Прощай, величие! Мне не известно,
Кого еще хотите вы заклать
Во имя вашей благородной цели,
Но поспешите, если это я.
Пока вот с этих ваших инструментов
Не смыта драгоценнейшая кровь,
Нет лучше ни оружия, ни часа,
Чтоб жизнь моя окончилась, и я
Последую за Цезарем охотно.
Когда я неугоден вам, прошу
Убить меня кровавыми руками.
Хотя бы тысячу я прожил лет,
Не буду к смерти лучше подготовлен.
Пасть возле Цезаря от рук людей –
Тех, что определяют дух эпохи, –
О большем я не мог бы и мечтать.

БРУТ

Да что ты всё о смерти да о смерти?
И руки, видите ль, у нас в крови,

А мы – вампиры. Полно, Марк Антоний!
Ты смотришь на руки, но не в сердца,
Ты видишь следствия, но не причины.
Как пламя поглощает огоньки,
Так состраданье к Риму истребило
В нас жалость к человеку одному.
Убийство только Цезаря коснулось,
Для остальных – свинцовые мечи
У нас в руках, скорее для порядка,
Чем для ударов. Ты для нас как брат.
Вот наши руки. И сердца все наши
Тебе открыты.

КАССИЙ

Новые права
Приобретешь ты наравне со всеми.

БРУТ

Дай только успокоить нам народ,
От страха сам не свой, и мы докажем,
Что Цезаря убили из любви
К нему.

АНТОНИЙ

А как же! Кто бы сомневался,
Что вы смогли бы это доказать.
Давайте окровавленные руки.
И ты, Брут, первый. Кассий, ты второй.
Метеллий, Цинна, и отважный Каска,
И ты Брут Деций, и Требоний. Я
Назвал тебя последним лишь по списку³,
Но чту тебя со всеми наравне⁴.
Да, роль моя, конечно, незавидна:
Для вас я или трус, иль лицемер.
И если бы для вас одних! Все знают,
Что Цезаря любил я – разве нет?
И дух его взирает, как Антоний
Вам руки окровавленные жмет –

---

³ Антоний как бы заранее составляет проскрипцию.

⁴ Эта реплика – саркастический и косвенный отклик на слова Кассия: «Новые права // Приобретешь ты *наравне со всеми*», разумеется, шокировавшие Антония.

© Перевод А. В. Флори, 2008

© БД «Русский Шекспир», 2008

Вот здесь, при этом благородном трупе.
Да это хуже смерти! Вот, имей
Я больше глаз, чем ран кровоточащих
У Цезаря, и если бы из них
Я исторгал кровавых слез потоки,
Достойней было б это для меня,
Чем с Цезаря убийцами брататься.
О Юлий, ты затравлен, как олень.
Прости меня. Вот здесь твои убийцы,
Запятнанные кровью. Целый мир
Был рощею для этого оленя,
А он был сердцем мира. Он теперь –
Добыча на охоте королевской.
И здесь его преемники стоят...

КАССИЙ

Антоний!

АНТОНИЙ

Я прошу прощенья, Кассий,
О Цезаре сказал бы это враг,
Чего же вы от друга ожидали?
Для друга это черствые слова.

КАССИЙ

Тебя не порицаем мы за это,
Но понимать намеренья твои
Хотелось бы. Ты нам союзник, или
Должны дороги наши разойтись?

АНТОНИЙ

А разве не был я определенен,
Когда вам руки пожимал? Но вдруг
На Цезаря взглянул и отклонился.
Я, безусловно, уважаю вас
И, полагаю, вы мне объясните,
Чем и кому так Цезарь угрожал.

БРУТ

О, безусловно! Было б это дело
Постыдным, диким зрелищем⁵, когда б
Его мы совершили без причины.
Но основанья наши столь сильны,
Что, будь ты сыном Цезаря, едва ли
Тебя не убедили бы они.

АНТОНИЙ

Хотел бы ваши доводы услышать.
А также позволения прошу
Перенести на площадь это тело
И там с трибуны речь произнести,
Чтобы достойно с другом распрощаться.

БРУТ

Да, Марк Антоний.

КАССИЙ

На два слова, Брут.
(*Бруту, вполголоса*)
Ты понимаешь, что творишь? На это
Идти нельзя! Он возмутит народ.

БРУТ

О том не беспокойся. Я сначала
Доходчиво народу объясню
Зачем мы это сделали; добавлю,
Что нам Антоний друг и говорить
Он будет только с нашего согласия,
Что мы и сами Цезаря почтим.
Нет, нам Антоний принесет лишь пользу.

---

⁵ В оригинале: "Or else were this a savage spectacle". Трудно сказать, что имеется в виду: побоища в Колизее или балаган (где устраивалась медвежья травля) возле театра «Глобус». Но важно, что Бруту омерзительны подобные представления, в отличие от Антония, который должен быть их поклонником.

© Перевод А. В. Флори, 2008

© БД «Русский Шекспир», 2008

КАССИЙ

Как хочешь, это мне не по душе.

БРУТ

Возьми же тело Цезаря, Антоний.
Условия наши выслушай теперь.
Ты не имеешь права нас порочить,
Но как угодно Цезаря хвали.
Ты выступаешь с нашего согласия –
О чем ты должен прямо заявить.
Я эту церемонию открою.
Ты следуешь за мной. Итак, решай.
Участвовать ты будешь в погребенье,
Лишь согласившись это исполнять.

АНТОНИЙ

Мне больше и не надо, слово чести!

БРУТ

Так тело к погребенью приготовь
И приходи на форум.

АНТОНИЙ

Приготовлю.

Уходят все, кроме АНТОНИЯ.

Прости меня, кровоточащий прах,
Что обходителен я с палачами.
Руины лучшего из всех мужей,
Которых время создало! Горе,
О горе святотатцам! Ничего!
Дух Цезаря, безмолвно вопиющий,
Сквозь этих ран багровые уста!
Я вызволю тебя. С тобой восстанут
Разгневанные гении войны.
Когда проклятье грянет над народом
И захлебнется вся страна в крови,
Когда свирепо раздерет на части

Италию гражданская война,
Когда насилие станет прозой жизни,
И высвободит мерзость душ людских,
И будут матери смотреть с ухмылкой
На четвертованных своих детей,
Исчезнет и намек на милосердье,
И справедливость обратится в дым,
Тогда дух Цезаря восторжествует.
О, вы еще увидите его
В сопровожденье кровожадной Аты!
Услышите и велегласный клич:
«Всё уничтожить!» – и война, как Цербер,
Обрушится на вас. Узнает мир
О вашем злодеянии по смраду
Гниющих и не погребенных тел.

Входит СЛУГА.

Не твой ли господин Октавий Цезарь?

СЛУГА

Да, Марк Антоний.

АНТОНИЙ

Цезаря письмо

Он получил?

СЛУГА

Да, скоро он приедет.

А на словах велел мне передать...

(Увидев тело Цезаря)

О, Цезарь!

АНТОНИЙ

Ты чувствителен, я вижу.

Так стань подальше и рыдай: боюсь

Я меланхолиею заразиться

И золотые слезы изливать.

Хозяин далеко?

СЛУГА

Семь миль, не больше,
Ему осталось.

АНТОНИЙ

Сей же час к нему!
Доложишь обстановку. Рим в смятенье,
И родственникам Цезаря пока
Опасно появляться здесь, и вряд ли
Найдет убежище Октавиан.
Ступай. Нет, задержись еще. На форум
Мы тело Цезаря перенесем,
Там речь произнесу, и будет видно,
Как отнесется к злодеяню чернь.
И донесение Октавиану
Полнее будет. А теперь пошли.

Уходят, унося Цезаря.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Форум.

Входят БРУТ, КАССИЙ и толпа горожан.

ГОРОЖАНЕ

Пусть объяснят! – Хотим причину знать!

БРУТ

Тогда за мной ступайте, я отвечу.
Или распределитесь вы, друзья:
Одни – за мной, за Кассием – другие.
Мы гражданам расскажем, почему
Был Цезарь умерщвлен.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН

Иду за Брутом.

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН

А я за Кассием. Потом сравним,
Что оба скажут.

КАССИЙ уходит с частью горожан.

БРУТ восходит на ростру.

ТРЕТИЙ ГОРОЖАНИН

Тихо! Слушай Брута!

БРУТ

Терпение, выслушайте меня до конца. Римляне, сограждане, друзья! Узнайте, в чем мое оправдание. Молчите, чтобы всё расслышать. Верьте мне ради моей чести, считайтесь с моей честью, чтобы поверить. Судите меня в соответствии с вашим разумом и употребите всю силу своего разума, чтобы судить справедливо. Если в этом благородном обществе есть человек, любивший Цезаря, я скажу: любовь Брута была не меньше. И если он спросит, почему Брут восстал против Цезаря, вот мой ответ: не потому, что любил Цезаря меньше, а потому, что Рим любил больше. Подумайте, что бы вы предпочли: чтобы Цезарь был жив, но вы умерли в рабстве, или чтобы он умер, но вы жили свободными людьми? Цезарь любил меня – и я плачу о нем, он побеждал – и я гордился им, он был доблестен – и я чтил его, он стал властолюбив – и я убил его. Кто так низок духом, что хочет быть рабом? Если есть такой, пусть ответит: я оскорбил его. Найдется ли среди вас варвар, который сожалеет, что он римлянин? Если есть такой, пусть ответит: я оскорбил его. Кто настолько оподлел, что равнодушен к судьбе отечества? Если есть такой, пусть ответит: я оскорбил его. Итак, отвечайте.

ГОРОЖАНЕ

Такой поганой твари нет меж нами!

БРУТ

Я рад, что никого не оскорбил.

Я поступил с Цезарем так же, как позволил бы вам поступить с Брутом. Причины гибели Цезаря занесены на скрижали Капитолия без замалчивания заслуг и преуменьшения его преступления.

Входят АНТОНИЙ и другие с телом Цезаря.

А вот и Антоний. Он отдаст последний долг покойному другу. Он не убивал Цезаря, но получит свою долю благ от этой смерти: он вкусит плодов равенства и демократии. Да и кому эта смерть не принесет пользы! Вот мое последнее слово: я убил Цезаря для блага отечества, если же для этого потребуется моя жизнь, я без колебаний убью и себя тем же клинком.

ГОРОЖАНЕ

Живи, о Брут! Живи, о Брут достойный!

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН

С триумфом донесем его домой!

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН

Воздвигнем статую ему, как предку!

ТРЕТИЙ ГОРОЖАНИН

Дух Цезаря пусть возродится в нем!

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОРОЖАНИН

Как Цезаря, его мы коронуем!

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН

Кричите: «Слава Бруту!», земляки.

БРУТ

Сограждане!

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН

Брут говорит! Молчите!

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН

Да замолчите!

БРУТ

Я уйду один,
А вас прошу с Антонием остаться
И Цезаря великого почтить.
Антонию мы дали разрешение
В прощальном слове вспомнить обо всех
Заслугах Цезаря. Оставайтесь, братья,
Пока Антоний будет говорить.

Уходит.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН

Ну, что ж, послушаем.

ТРЕТИЙ ГОРОЖАНИН

Да, не убудет.
Антоний благородный, начинай.

АНТОНИЙ

Друзья, благодарить я должен Брута...

Восходит на роstrу.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОРОЖАНИН

А Брут-то здесь при чем?

ТРЕТИЙ ГОРОЖАНИН

Он говорит,
Что Бруту он за что-то благодарен.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОРОЖАНИН

Он имя Брута лучше б не трепал.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН

Тиран был Цезарь.

ТРЕТИЙ ГОРОЖАНИН

Да, тиран ужасный!
Мы от тирана вовремя спаслись!

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН

Что мог бы тут еще сказать Антоний?
Эй, тихо!

АНТОНИЙ

Римляне...

НЕСКОЛЬКО ГОРОЖАН

Да тише там!
Послушаем, что все-таки он скажет.

АНТОНИЙ

О римляне, сограждане, друзья!
Послушайте. Я не для славословий
Пришел сюда. Я друга хороню.
Дурная слава нас переживает,
А добрая уходит с нами в гроб.
И с Цезарем так будет. Чем он лучше
Всех остальных? Честнейший Брут назвал
Его властолюбивым. Тот, кто вправду
Властолюбив, тому прощенья нет.
И Цезарь тяжело пострадал. Обязан
Я Бруту тем, что речь произношу
Надгробную. Брут многого достоин.
Конечно, и соратники его
Заслуживают многого... Однако,

Продолжим. Цезарь был мне верный друг,
Но Брут назвал его властолюбивым,
А благородный Брут не может лгать.
Тьмы пленных приводил с собою Цезарь
И пополнял их выкупом казну –
И в этом проявлялось властолюбье!
Он плакал от страданий бедняка –
И в этом проявлялось властолюбье,
Хотя на вид бездушнее оно.
Но Брут назвал его властолюбивым,
А благородный Брут не может лгать.
А помните: во время Луперкалий
Я трижды Цезарю поднес венец,
Который он отверг властолюбиво?
Но властолюбцем Брут его назвал,
А Брут не лжет – он слишком благороден.
Я не хочу его опровергать,
А только лишь картину дополняю.
Причины были Цезаря любить –
Так разве нет у вас причин для скорби?
Брут хочет справедливости? Увы,
Ее не стало в мире человечьем,
Она теперь живет среди зверей.
Да, среди них, как это ни грустно!
Простите: дух мой к Цезарю сошел,
Я помолчу, пока он не вернется.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН

В его словах как будто что-то есть.

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН

Чего-то не пойму. Он намекает,
Что Цезарь был еще не так уж плох?

ТРЕТИЙ ГОРОЖАНИН

Я опасуюсь, не было бы хуже!

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОРОЖАНИН

Слыхали: он корону-то не взял!
Так почему он был властолюбивым?

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН

Ну, видно, будет туго кой-кому!

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН

Несчастливая душа! Антоний плачет.
Так и горят глаза его от слез.

ТРЕТИЙ ГОРОЖАНИН

По духу он всех благородней в Риме.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОРОЖАНИН

Да тихо вы! Он снова говорит.

АНТОНИЙ

Вчера одним лишь словом мощный Цезарь
Был в состоянии мир перевернуть.
И вот он здесь лежит, лишенный слова
И неподвижный. Даже бедняки
Пренебрегают им. Мастеровые!
Сограждане! Когда бы я хотел
Вселить в вас дух отщепенца, то Брута
И Кассия обидел бы тогда.
Но это благороднейшие люди.
Как можно их задеть! О, ни за что!
Покойного скорей я опорочу,
Скорее оскорблю себя и вас,
Но не таких особ архипрекрасных!
Я обнаружил хартию одну
С печатью Цезаря. То завещанье.
Когда бы огласил я документ
(Но оглашать его нельзя – увольте!),
То вы бы целовали этот прах,
Платки мочили бы в крови священной
И рвали волосы из головы,
Чтобы потомкам, словно талисманы,
Всё это, умирая, передать.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОРОЖАНИН

Прочти нам завещанье, Марк Антоний!

ГОРОЖАНЕ

Прочти! Прочти! Мы знать его хотим!

АНТОНИЙ

Неужто вы хотите знать, как Цезарь
Всех вас любил? Но вы же не скоты
Бездушные! Вы не из камня, люди!
Вас потрясет до глубины души,
Сведет с ума известие, что Цезарь
Свое имущество оставил вам.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОРОЖАНИН

Прочти нам волю Цезаря, Антоний!

ТОЛПА

Да, воли! Воли Цезаря хотим!

АНТОНИЙ

Постойте! Я, увы, проговорился.
Когда б я волю Цезаря открыл,
То повредил бы тем прекрасным людям,
Которые зарезали его.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН

Они – прекрасные? Они убийцы!

ТОЛПА

Читай, Антоний, смело всё читай!

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН

Они – прекрасные? Они злодеи!
Читай, Антоний, завещанье нам!

АНТОНИЙ

Так вы настаиваете? Извольте.
Но прежде с ростры нужно мне сойти.
Тогда и покажу я вам пергамент.
Вы станьте возле Цезаря. Итак,
Сойти мне?

НЕКОТОРЫЕ ГОРОЖАНЕ

Да!

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН

Сходи же.

ТРЕТИЙ ГОРОЖАНИН

Мы в ответе.

АНТОНИЙ спускается с ростры.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОРОЖАНИН

Вкруг Цезаря сплотитесь.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН

Эй, вы там!

Не напирайте!

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН

Здесь Антоний встанет!
Антоний духом в Риме выше всех!

АНТОНИЙ

Так не теснитесь. Шире круг, собратья!

НЕКОТОРЫЕ ГОРОЖАНЕ

Раздайтесь! Расступитесь! Эй, назад!

АНТОНИЙ

Кто не растратил слез, рыдать готовься!
Вы эту тогу знаете, а я
Запомнил, как ее впервые Цезарь
Надел. То было вечером, в шатре,
Когда разбил он нервиев. Взгляните!
Здесь след оставил Кассия кинжал;
Вот эту брешь проделал желчный Каска;
А это Цезарев любимец Брут
Любовь свою запечатлел. Когда же
Из раны он извлек проклятый нож,
Кровь бросилась за ним, как будто в двери,
Как бы не веря в то, что это Брут
Вломился так враждебно. Цезарь видел
В нем ангела и так его любил!
То был удар и злейший, и последний.
И, осознав, что Брут его разит,
Был Цезарь не предательским оружием,
А вероломством этим сокрушен,
И сердце величайшее разбилось.
Лицо закрыл он тогой от стыда
И пал к подножью статуи Помпея,
Куда давно его же кровь текла.
О соотечественники! То было
Великое паденье. Пали все –
И он, и я, и вы. Зато измена
Кровавая над нами вознеслась.
Вы плачете? Как вы добросердечны!
Ах, как вам жаль дырявого плаща!
А это продырявленное тело?
Что, граждане, вы скажете о нем?

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН

Не зрелище – кошмар!

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН

Несчастный Цезарь!

ТРЕТИЙ ГОРОЖАНИН

Несчастный день!

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОРОЖАНИН

Изменники! Враги!

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН

Жуть, а не зрелище!

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН

Мечь лиходеям!

ТОЛПА

Мечь! Вперед! Найти их! Сжечь! Перебить! Перерезать! Всех изменников до одного!

АНТОНИЙ

Достойные граждане!

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН

Тихо! Слушайте благородного Антония!

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН

Да, послушаем его, пойдем за ним, умрем за него!

АНТОНИЙ

Заметьте, добрые мои друзья,
Что я вас ни к чему не подстрекаю
И не хочу, чтоб лава мятежа
Вдруг излилась. Участники убийства
Считаются умнейшими людьми.
Не сомневаюсь, что они сумеют
Его причины гладко изложить.
Я даже им завидую отчасти:

Ведь я не краснобай – не то что Брут!
Я прямо говорю, без загогулин.
Я другу отдаю последний долг,
И не хочу вселить в вас дух отмщенья.
Нет, лишь напоминаю вам о том,
Что вы и сами знаете прекрасно.
Вот раны Цезаря – его уста,
Уста, вещающие бессловесно.
Я, жалкий ритор, уступаю им.
Пусть говорят они. Но будь я Брутом,
А Брут – Антонием, то лишь тогда
Вдохнул бы в вас дух Цезаря Антоний,
Озвучил этих ран безмолвный вопль
И даже камни возбудил к возмездю!

ТОЛПА

Мы тоже возбудимся!

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН

Бруту – смерть!

Я дом его спалю!

ТРЕТИЙ ГОРОЖАНИН

Сыскать смутьянов!

АНТОНИЙ

Постойте, граждане, еще не все.

ТОЛПА

Не всё сказал Антоний благородный!
Уймись вы! Послушаем его.

АНТОНИЙ

Вы жаждете восстать, но для чего же?
Чем это рвенье Цезарь заслужил?
Вы главное забыли – завещанье.

ТОЛПА

Да, да! Скорей прочти его! Прочти!

АНТОНИЙ

Всем римским гражданам оставил Цезарь
По семьдесят пять драхм. Его печать
Намерение это закрепляет.

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН

Великий Цезарь! Как мы отомстим!

ТРЕТИЙ ГОРОЖАНИН

Прославлен будь вовек, державный Цезарь!

АНТОНИЙ

Послушайте еще.

ТОЛПА

Заткните рты!

АНТОНИЙ

Он завещает вам сады, и парки,
И павильоны. Радуйтесь, друзья.
Кто будет вас еще любить, как Цезарь?

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН

Никто! Никто! Возложим на костер
Его в священном месте. Ну, а после
Мы головнями подпалим дома
Изменников. Поднимем тело, братья!

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН

Тащи огня!

ТРЕТИЙ ГОРОЖАНИН

Скамейки на дрова!

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОРОЖАНИН

Ломай! Круши! Скамейки, окна, двери!

Уходят, унося тело Цезаря.

АНТОНИЙ

О дух войны! Тебя я воскресил.
Ты на ногах и сам найдешь дорогу.

Входит СЛУГА.

Ну, что?

СЛУГА

Октавий прибыл.

АНТОНИЙ

Где же он?

СЛУГА

С Лепидом в доме Цезаря.

АНТОНИЙ

Отлично!
Он прибыл вовремя. Судьба сейчас
В хорошем настроении. Надеюсь,
Она и дальше не обидит нас.

СЛУГА

А Брут и Кассий в панике бежали:
Их видели у городских ворот.

АНТОНИЙ

Ага! Прознали – надо же, как скоро, –
Что чернь на них я натравил. Пошли.

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Улица.

Входит поэт ЦИННА.

ЦИННА

Я пил из чаши Цезаря во сне.
Теперь моя душа тоской объята.
И выходить не стоило бы мне,
Но тянет, тянет из дому куда-то.

Входит толпа.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН

Кто ты?

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН

Куда идешь?

ТРЕТИЙ ГОРОЖАНИН

Где живешь?

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОРОЖАНИН

Женатый или холостой?

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН

Отвечай прямо.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН

И лаконично.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОРОЖАНИН

И толково.

ТРЕТИЙ ГОРОЖАНИН

И правдиво. А то хуже будет.

ЦИННА

Итак, кто я такой, куда иду, где живу, женат или холост. Отвечать нужно прямо, лаконично, толково и правдиво. Говоря толково, я холост.

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН

То есть, ты хочешь сказать: кто женатый, тот бестолочь? Ты на грубость нарываешься. Теперь отвечай прямо.

ЦИННА

Я шел прямо на похороны Цезаря.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН

Ты за него или против?

ЦИННА

Я отнюдь не против.

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН

По-твоему, это прямо?

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОРОЖАНИН

Где живешь – в двух словах!

© Перевод А. В. Флори, 2008

© БД «Русский Шекспир», 2008

ЦИННА

Если в двух, то у Капитолия.

ТРЕТИЙ ГОРОЖАНИН

И как тебя зовут – правдиво.

ЦИННА

Правдиво – меня зовут Цинна.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН

Порвем его! Он заговорщик!

ЦИННА

Да я поэт Цинна! Я же поэт!

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОРОЖАНИН

Он еще и поэт! Рвите его гнусные вирши! Рвите его за гнусные вирши!

ЦИННА

Я не заговорщик! Я поэт!

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН

Какая разница! Всё одно – Цинна! Порвать его за это!

ТРЕТИЙ ГОРОЖАНИН

Рвите его! Рвите! Хватайте головы! Для Брута! Для Кассия! Жгите всех: кто Деция, кто Каску, кто Лигария! Пошли!

Уходят.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Рим.

Комната в доме Антония.

АНТОНИЙ, ОКТАВИЙ, ЛЕПИД за столом.

АНТОНИЙ

Отмеченные будут казнены.

ОКТАВИЙ

И в том числе твой брат, Лепид. Согласен?

ЛЕПИД

Согласен.

ОКТАВИЙ

Что ж, отметим и его.

ЛЕПИД

Но пусть умрет племянник твой, Антоний.

АНТОНИЙ

Отметим и племянника. Вот так.
Лепид, ты нам принес бы завещанье.
Внимательно его мы перечтем
И вымараем лишнее.

ЛЕПИД

Идти?
Куда мне

ОКТАВИЙ

В дом Цезаря или в сенат.

ЛЕПИД уходит.

АНТОНИЙ

Его призвание – быть на побегушках.
Вот чучело! Не годен ни на что –
И вот его в триумвират мы вводим
И преподносим мира треть ему!

ОКТАВИЙ

О нет, Антоний, мы его не вводим –
Ввели, когда позволили принять
Участье в составлении проскрипций.
Зачем же раньше ты не возражал?

АНТОНИЙ

Уж извини, но я тебя постарше.
Я думаю, он пригодится нам.
С себя мы сбрасываем бремя славы
И переваливаем на осла.
Пусть он таскает золота поклажу,
А мы пойдем куда налегке.
Доставит груз – тюки с него мы снимем,
От бремени его освободим
(Я подразумеваю бремя власти) –
И пусть себе пасется на лужку
И хлопает ушами – в общем стаде.

ОКТАВИЙ

Так уж и в стаде! Он тебе не скот,
А воин, уважения достойный.

АНТОНИЙ

Но я ж не стану уважать коня
Который тоже мне неплохо служит.
Так я его кормлю. Я научил
Его скакать галопом и карьером,
Менять аллюр, повиноваться мне.
Так и Лепид: сам по себе никчем,

Не может двигаться без седока.
Он счастлив подражать мужам великим
И тем питает ум, что для других
Давно уже в отбросы превратилось.
Его мы лишь используем. Теперь
Поговорим о деле. Брут и Кассий
Вооружаются. И мы должны
Союз наш укрепить, найти побольше
Сторонников и вместе обсудить,
Насколько положение опасно
И в чем угрозы, скрытые от глаз.

ОКТАВИЙ

Конечно, скрытые всего страшнее.
Совет держать мы будем – только с кем?
Нас многие скорее ненавидят
Боюсь, что каждая улыбка их
Таит неисчерпаемую злобу.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Лагерь близ Сард.
Перед палаткой Брута.

Барабаны.

*Входят БРУТ, ЛУЦИЛИЙ, ЛУЦИЙ и солдаты.
ТИТИНИЙ и ПИНДАР встречают их.*

БРУТ

Привет!

ЛУЦИЛИЙ

Привет тебе.

БРУТ

Что, Кассий близко?

ЛУЦИЛИЙ

Недалеко. Он с Пиндаром послал
Тебе привет.

ПИНДАР отдает БРУТУ письмо.

БРУТ

Как он учтив, однако!
Увы, я господина твоего
Не узнаю. Он сам тому виною,
Иль, может, кто-то грубо искажил
Его распоряжения, однако
Творится беззаконье. Впрочем, он
Прибудет скоро сам и объяснится.

ПИНДАР

Конечно. И тогда увидишь ты:
Мой господин такой же, как и раньше.
По крайней мере, хуже он не стал.

БРУТ

Я всей душой хочу поверить в это.
Луцилий, на два слова. Как тебя
Он принял?

ЛУЦИЛИЙ

Вежливо, но без радушья,
Открытости и прежней теплоты.

БРУТ

Нет, с теплотой – ни холодно ни жарко.
Пресыщенную пылкую любовь
Сменяет изощренная учтивость.
Для дружества излишен этикет.
А лицемерие – что конь брыкливый:
Выказывает норов, а пришпорь
Его немного – сразу же споткнется.

Так, Касий с войском движется сюда?

ЛУЦИЛИЙ

Пехота будет в Сардах этой ночью,
А утром – кавалерия.

Марш вдали.

БРУТ

Они.
Идемте к ним навстречу.

Входит КАССИЙ с войском.

КАССИЙ

Стойте! Смирно!

БРУТ

Команду повторите.

ПЕРВЫЙ ВОИН

Стой!

ВТОРОЙ ВОИН

Стой!

ТРЕТИЙ ВОИН

Стой!

КАССИЙ

Мой честный брат, меня ты оскорбляешь.

БРУТ

Я оскорблять не стал бы и врага.
Об этом знают боги. Неужели

© Перевод А. В. Флори, 2008

© БД «Русский Шекспир», 2008

Я в состоянье брата оскорбить?

КАССИЙ

Оставь свои софизмы! Я покуда
Не слеп и глух. И я не потерплю...

БРУТ

И все же лучше потерпи немного.
Не стоит отношенья выяснять
В присутствии солдат. Как могут люди
Стоять за наше дело, если мы
Не в состоянии договориться?
Пускай определятся на ночлег.
Идем в палатку. Все, что наболело,
Ты выскажешь.

КАССИЙ (*Пиндару*)

Эй, Пиндар, прикажи
Солдатам на ночлег располагаться.

БРУТ

Луциллий, пусть и наши отойдут.
Пока мы не закончим совещанья,
Входить в палатку всем запрещено.
У входа станут Луций и Титиний.

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Палатка Брута.

Входят БРУТ и КАССИЙ.

КАССИЙ

Ты оскорбил меня уж тем одним,
Что Луций Пелла осужден за взятки.

Он мне знаком, и я тебе писал
И за него просил, но без вниманья
Оставил ты ходатайство мое.

БРУТ

Ты оскорбил себя такую просьбой.

КАССИЙ

Во время смуты очень неумно
Карать людей за злоупотребленья,
Столь мелкие.

БРУТ

Да, мелочь! Но позволь
И о тебе сказать два слова, Кассий.
Мне жаловались многие, что ты
За деньги продвигаешь недостойных.

КАССИЙ

Так я уже мздоимец! Если бы о том
Сказал не Брут, слова бы эти стали
Последними...

БРУТ

Ты именем своим
Не злоупотребленья покрываешь,
А губишь дело правды.

КАССИЙ

Даже так!

БРУТ

Да, Кассий! Вспомни мартовские иды!
Из-за чего великий Цезарь пал?
Во имя справедливости. И нами
Дух справедливости владел тогда.
И мы злой дух искоренить хотели,

Сразив того, кто равных не имел,
За то, что человеческую низость
Он поощрял и пестовал затем,
Чтобы на ней самодержавье строить.
И вот дух Цезаря вселился в нас.
И мы уже потворствуем порокам
Или мараем души – и за что?
За золото, за этот жалкий мусор!
Нет, участь пса, что воет на луну,
Завиднее, чем доля человека,
В котором угнездились духи зла.

КАССИЙ

Псам как угодно ты уподобляйся,
Но на меня, пожалуйста, не лай.
В тебя как будто демоны вселились.
В делах войны я опытней тебя,
К командованью более пригоден.

БРУТ

О, как ты заблуждаешься!

КАССИЙ

Отнюдь.

БРУТ

И всё же ты не прав.

КАССИЙ

Не зарывайся,
А то ведь я тебя укорочу.

БРУТ

Прочь, низкий человек!

КАССИЙ

Я это слышал?!

БРУТ

И выслушаешь кое-что еще.
Не трепетать же мне перед маньяком!

КАССИЙ

О боги, что, и это я снесу!

БРУТ

Снесешь, снесешь! И это, и другое.
Показывай рабам свой грозный дух,
Над слугами куражься, сколько хочешь.
А лучше бешенство держи в себе,
Хотя бы желчь твою разъела печень,
Хотя бы злость тебя разорвала!
Такое поведенье смехотворно!

КАССИЙ

Однако! До чего уже дошло!

БРУТ

Ты опытом кичился бы поменьше.
Какой ты воин – в деле покажи.
Получится – я у тебя охотно
Учиться стану доблести.

КАССИЙ

О Брут!
Во всем несправедлив ты, даже в этом.
Я не сказал, что доблестней тебя,
Я только опытней в военном деле.

БРУТ

Мне безразлично, что б ты ни сказал.

КАССИЙ

О, так не оскорблял меня и Цезарь!

БРУТ

Конечно! Ты же так его не злил.

КАССИЙ

Что? Я?

БРУТ

А кто же!

КАССИЙ

Я?

БРУТ

Ты не посмел бы.

КАССИЙ

Моею дружбой злоупотреблять
Я не советую. А то ведь можешь
Меня и до плохого довести.
Раскаюсь я потом, да будет поздно.

БРУТ

Раскайся лучше в том, что совершил.
Давно уже дошел ты до плохого.
Быть может, хватит воздух сотрясать?
Твои угрозы устрашат мальчишек,
А на мужей не действуют они.
Я денег у тебя просил в уплату
Своим легионерам. Ты же мне
Надменно отказал: мол, сам, как можешь,
Крутись. Но я же не могу творить
Благое дело грязными руками
И лепты вырывать у бедняков
Из рук мозолистых. Когда бы мог я,
Чеканил бы из сердца своего

Монеты, лил бы золото из крови.
А попроси ты денег у меня,
То я тебе ответил бы иначе.
Пускай меня сразит небесный гром
И распылит на малые частицы,
Когда постыдно алчен станет Брут,
Тем более с соратниками.

КАССИЙ

Полно!

Тебе я не отказывал.

БРУТ

Вот как!

КАССИЙ

Мои слова, как видно, переврали.
Брут, ты мне плюнул в душу. Разве друг
В пожар раздует недоразуменье?
Он даже настоящий грех простит.

БРУТ

Однако недоразуменья эти
Обходятся мне дорого весьма.

КАССИЙ

И вот ты невлюбил меня за это.

БРУТ

Я лишь твои пороки невлюбил.

КАССИЙ

Закрыл бы ты глаза на них из дружбы.

БРУТ

Их не заметит только лицемер,

Хотя б они горами громоздились,
Как Пелион и Осса.

КАССИЙ

Пусть придут
Сюда скорей Антоний и Октавий.
И пусть меня карают одного.
Жизнь Кассию теперь невыносима.
Тебе он предан. Предан и тобой.
Не ждет он одобрения от брата.
И, как последний раб, он заклеямен.
Его проступки беспощадный стилус⁶
Занес на церы⁷ памяти твоей,
Чтоб их зубодробительным ударом
На Кассия обрушить. Если б мог
Я вместе со слезами вылить душу!
Я подставляю грудь под твой кинжал.
Здесь сердце чище руд золотоносных.
Тебе я не дал золота, а ты
Из сердца своего хотел монеты
Чеканить – так чекань из моего.
Ты римлянин – клинок вонзить сумеешь,
Как в Цезаря. Ведь ты его, любя,
Отправил к праотцам. Так возлюби же
И Кассия – и умертви его.

БРУТ

Довольно. Я не обнажу кинжала.
Мы этой ссорою себя срамим.
Ты злись – я буду кроток, как ягненок.
Нет, я кремень, что высечет огонь –
И остывает.

КАССИЙ

До чего я дожил:
Мой лучший друг смеется надо мной.
Моя тоска – предлог для остроумья!

---

⁶ В оригинале тоже нечто из «компьютерной» терминологии – ноутбук: “all his faults observed, // Set in a note-book”. Я из переводческого озорства обыграл этот нюанс.

⁷ Цер – дубовая дощечка, на которой вырезались письма в древней Руси. Но слово латинского происхождения.

© Перевод А. В. Флори, 2008

© БД «Русский Шекспир», 2008

БРУТ

О нет, в меня вселился дух вражды,
Когда я высказал тебе всё это.

КАССИЙ

А, сам признался! Вот моя рука.

БРУТ

И я с тобой всем сердцем.

КАССИЙ

Брут!

БРУТ

Что скажешь?

КАССИЙ

Твое великодушие таково,
Что ты мне эту вспыльчивость прощаешь,
Которую впитал я с молоком?

БРУТ

Нет, Кассий, не тебе: когда ты в гневе,
То это гневаётся мать твоя.

ПОЭТ (*за сценой*)

Впустите! Меж начальниками ссора,
Их оставлять нельзя наедине!

ЛУЦИЛИЙ (*за сценой*)

Не пропущу!

ПОЭТ

Я под угрозой смерти
Прорвусь!

Входит ПОЭТ в сопровождении ЛУЦИЛИЯ, ТИТИНИЯ и ЛУЦИЯ.

КАССИЙ

Кто там?

ПОЭТ

Гордыню поумерьте!
О стыд! Смиритесь, будьте вновь друзья.
Послушайте меня: вас старше я.

КАССИЙ

А стих-то у тебя хромает, киник.

БРУТ

Ступай своей дорогой, виршеплет.

КАССИЙ

Стиль у него такой, не раздражайся.

БРУТ

Какой там стиль! Он возомнил себя
Эпическим поэтом, пошлый клоун!
А здесь война. Любезный друг,
Уйди добром.

КАССИЙ

И чем скорей, тем лучше.

ПОЭТ уходит.

БРУТ

Луцилий и Титиний, на ночлег
Пускай людей определяют скорее.

КАССИЙ

Потом с Мессалой возвращайтесь к нам.

ЛУЦИЛИЙ и ТИТИНИЙ уходят.

БРУТ (*Луцию*)

А ты подай вина.

ЛУЦИЙ уходит.

КАССИЙ

Не представлял,
Что ты способен так воспламениться.

БРУТ

Сейчас я опечален глубоко.

КАССИЙ

И, значит, изменяешь убеждениям:
Ведь философия твоя велит
Случайностям не придавать значенья
И не грустить.

БРУТ

Такой беды никто
Не снес бы лучше. Порция скончалась.

КАССИЙ

Как, Порция?

БРУТ

Недавно умерла.

КАССИЙ

О Брут, прости мою бесцеремонность!
Какое горе! Но какой недуг
Ее сгубил?

БРУТ

Тоска и опасенья,
Что мы обречены. Сказали ей,
Что молодой Октавий и Антоний
Сильнее нас намного. И она
От этой вести впала в помраченье,
Немедленно освободила слуг
И проглотила тлеющие угли.

КАССИЙ

От этого она и умерла?

БРУТ

Да, умерла от этого.

КАССИЙ

О боги!

Возвращается ЛУЦИЙ с вином и светильником.

БРУТ

Не будем больше говорить о ней.
Давай все горести в вине утопим.

КАССИЙ

Я эту благороднейшую скорбь
С тобою разделяю всей душою.
Налей мне, виначерпий, через край,

Чтобы отметить примиренье с Брутом.

БРУТ

Войдите!

ЛУЦИЙ уходит. Входят ТИТИНИЙ и МЕССАЛА.

Друг Мессала, мой привет!
Садитесь, и обсудим положенье.

КАССИЙ

Нет больше Порции!

БРУТ

Прошу, молчи!
Мне пишут, что Октавий и Антоний
Идут к Филиппам с силою большой.

МЕССАЛА

Я получил такое же известье.

БРУТ

А больше ты не знаешь ничего?

МЕССАЛА

Еще узнал, что эта тройка в Риме
Казнила сто сенаторов.

БРУТ

А мне
Писали о семидесяти жертвах.
Как будто среди них и Цицерон.

КАССИЙ

И Цицерон?

МЕССАЛА

Да, и его не стало.
Он тоже в черный список угодил.
От Порции не получал ты писем?

БРУТ

Нет.

МЕССАЛА

И не знаешь ничего о ней?

БРУТ

Нет.

МЕССАЛА

Удивительно.

БРУТ

К чему всё это?
Ты, может, знаешь что-нибудь о ней?

МЕССАЛА

Я? Нет.

БРУТ

Как римлянин, скажи мне правду.

МЕССАЛА

Ну, что ж, тогда, как римлянин, узнай,
Что умерла она ужасной смертью.

БРУТ

Прости, о Порция, мы все умрем.
И ты должна была уйти когда-то —

Лишь это позволяет претерпеть
Мою утрату.

МЕССАЛА

Вот он, муж достойный!

КАССИЙ

В душе своей я тоже философ,
Но на такую твердость не способен.

БРУТ

Живым – живое. Что же делать нам?
Должны ли мы сейчас идти к Филиппам?

КАССИЙ

Не думаю.

БРУТ

А почему?

КАССИЙ

Пока
Их больше, пусть они нас и поищут.
Пока солдаты наши отдохнут,
А враг пускай растрчивает силы.

БРУТ

Твой аргумент, возможно, и хорош,
Но пусть он место лучшему уступит.
Сейчас народ от Сард и до Филипп
Нам повинуется по принуждению.
Налогам он сильно раздражен.
Когда враги пройдут по этим землям,
К ним могут очень многие пристать.
Оставим лучше их без пополнения.
Пойдем к Филиппам сами.

КАССИЙ

Слушай, брат...

БРУТ

Прости, но я продолжу. Легионы
Мы укомплектовали. Всех друзей
Объединили. В общем, наше дело
Достигло зрелости. И крепнет враг.
Приливы и отливы существуют
Не только в океане. Мы сейчас
Прилив используем благополучно.
Но, упустив благоприятный миг,
Застрануть можем мы на мелководье
Испытывать не следует судьбу.
Итак, пока прилив, плывем к Филиппам.

КАССИЙ

Ну, что ж, ты указал, куда нам плыть,
Так поплывем, хотя б и фигурально.
Последним аргументом я сражен.

БРУТ

За совещаньем нас застигла полночь.
Сейчас свой долг уплатим естеству
Коротким отдыхом. Всё обсудили?

КАССИЙ

Да, всё решили, и с утра – в поход.

БРУТ

Эй, Луций!

Входит ЛУЦИЙ.

Принеси для сна одежду.

ЛУЦИЙ уходит.

Мессала, доброй ночи. И тебе,
Титиний. Кассий, друг мой благородный,
Тебе желаю искренне добра.

КАССИЙ

Нелегким был наш разговор, и всё же
Надеюсь, что раздора дух убит.

БРУТ

Я верю, что убит и не восстанет.

КАССИЙ

Я уйду. Еще раз добрых снов.

БРУТ

Пошлите, боги, нам благих видений.

ТИТИНИЙ и МЕССАЛА

Спокойной ночи.

БРУТ

Добрых снов, друзья.

КАССИЙ, ТИТИНИЙ, МЕССАЛА уходят.

Возвращается ЛУЦИЙ.

Одежду мне подай. Где мандолина?

ЛУЦИЙ

Да здесь!

БРУТ

Ты засыпаешь на ходу.
Еще бы! Глаз ты не смыкал так долго.
Пусть Клавдий и из стражи кто-нибудь

Ночуют здесь.

ЛУЦИЙ

Сюда, Варрон и Клавдий!

Входят ВАРРОН и КЛАВДИЙ.

ВАРРОН

Да, господин?

БРУТ

Ложитесь у меня:

Я вас могу поднять сегодня ночью
И к Кассию отправить.

ВАРРОН

Может, нам

Тогда и вовсе лучше не ложиться?

БРУТ

А если не пошлю вас никуда?
Располагайтесь. Луций, вот и книга!
Я сам и положил ее в карман.

ВАРРОН и КЛАВДИЙ укладываются.

ЛУЦИЙ

Ведь говорил я, что не брал той книги.

БРУТ

Да, извини, рассеянным я стал.
Ты мог бы потерпеть еще немного
И мне на мандолине поиграть?

ЛУЦИЙ

Раз господину моему угодно.

БРУТ

Да, я тебе покоя не даю,
Твоим терпеньем злоупотребляя.

ЛУЦИЙ

Такая служба у меня.

БРУТ

И все ж
Не должен был бы я тебя неволить.
Сон нужен молодым.

ЛУЦИЙ

Да я уж спал.

БРУТ

Не сомневаюсь. Поиграй немного,
Потом ложись. Когда останусь жив,
Тебя не буду больше я тиранить.

Музыка.

Затем ЛУЦИЙ засыпает.

БРУТ

Он убаюкан музыкой своей,
Как будто смертоносной колыбельной.
Тяжелый сон свинцовой рукой
Его коснулся. Спи, мой добрый отрок.
Дай только мандолину заберу,
А то еще во сне ее сломаешь.
Где чтение прервал я? А, вот здесь.

Входит ДУХ ЦЕЗАРЯ.

Ночник чуть теплится. Я различаю
Какую-то загадочную тень.
А вот теперь она как будто ближе.

Я сплю? Скорее, грежу наяву
От переутомленья? Что же это?
Кто ты – злой гоблин или добрый дух?
По-видимому, злой: кровь леденеет
И волосы шевелятся. Кто ты?

ДУХ ЦЕЗАРЯ

Твой гений злой.

БРУТ

Зачем же ты явился?

ДУХ ЦЕЗАРЯ

Сказать, что нам свиданье суждено.

БРУТ

И где же мы увидимся?

ДУХ ЦЕЗАРЯ

В Филиппах.

БРУТ

Что ж, до свиданья.

ДУХ ЦЕЗАРЯ уходит.

Вот, пришел в себя,
А этот злобный гений испарился.
И жаль – уж я бы с ним потолковал.
Эй, Луций, Клавдий и Варрон! Проснитесь!

ЛУЦИЙ

Совсем расстроился мой инструмент.

БРУТ

Он думает, что всё еще играет.

Эй, Луций! Пробудись же!

ЛУЦИЙ

Да, хозяин?

БРУТ

Ты почему во сне кричал?

ЛУЦИЙ

Кто? Я?

БРУТ

Тебе пригрезился кошмар какой-то?

ЛУЦИЙ

Кошмарного не видел ничего.

БРУТ

Ну, можешь досыпать. – А вы проснитесь!

ВАРРОН

Да, господин?

ТИТИНИЙ

Да, господин?

БРУТ

Что вам сейчас
Привиделось ужасного такого,
Что вы кричали?

ВАРРОН и ТИТИНИЙ

Разве?

БРУТ

К сожаленью.

Так что же это было?

ВАРРОН и ТИТИНИЙ

Ничего.

БРУТ

Ну, ладно. К брату Кассию ступайте:
Пускай он завтра выступит чуть свет,
Мы двинемся за ним.

ВАРРОН и ТИТИНИЙ

Идем сейчас же.

Уходят.

АКТ ПЯТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Равнина близ Филипп.

Входят ОКТАВИЙ и АНТОНИЙ с войсками.

ОКТАВИЙ

Мои предположенья оправдались.
А ты еще, Антоний, уверял,
Что на равнину не сойдет противник:
Ему сподручней, будто бы, в горах
Сражаться – а враги идут к Филиппам,
Где собираются нам дать ответ,
Совсем не дожидаясь вопрошанья.

АНТОНИЙ

Октавий, я читаю в их сердцах.
Ясна причина этого маневра:
Они бы рады с места не сходить,
Позиции в горах для них удобней,
Но неприятель хочет показать,
Что духом он силен. Уловка эта
Жалка и не обманет никого.

Входит ГОНЕЦ.

ГОНЕЦ

Военачальники, готовьтесь к битве!
Враг движется в порядке строевом,
Он развернул кровавые знамена.
И мы должны немедля дать отпор.

АНТОНИЙ

Октавий, разверни на левом фланге
Свои войска, но очень не спеши.

ОКТАВИЙ

На левом станешь сам, а я на правом.

АНТОНИЙ

Зачем ты мне идешь наперекор,
Особенно теперь?

ОКТАВИЙ

Я так желаю.

*Марш.
Барабаны.*

Входят БРУТ, КАССИЙ, ТИТИНИЙ, МЕССАЛА с войском.

БРУТ

Смотри: стоят – переговоров ждут.

КАССИЙ

Титиний, здесь постой, мы выйдем с Брутом.

ОКТАВИЙ

Антоний, может, их атаковать?

АНТОНИЙ

Нет, лучше сами отобьем их, Цезарь.
Идем – они же говорить хотят.

ОКТАВИЙ

Ни с места без сигнала к наступлению!

БРУТ

Сначала будем биться на словах,
Сограждане?

ОКТАВИЙ

В баталиях словесных
Вам равных нет, а мы так просто бьем.

БРУТ

Хорошие слова сильней ударов,
Особенно плохих, Октавиан.

АНТОНИЙ

И ты, Брут, сочетал небезуспешно
Плохой удар и добрые слова –
Кричал: «Да здравствует великий Цезарь!»
И в сердце ударял его ножом.

БРУТ

Антоний, как ты бьешь, пока не знаю,
Но мне известно, как ты говоришь.
У пчел из Гиблы ты весь мед похитил
И перелил его в свои слова.

АНТОНИЙ

Мед – но не жала я забрал.

БРУТ

И жала,
И даже их жужжанию уже
Ты подражаешь. Ты ужалить жаждешь,
Но прежде угрожаешь.

АНТОНИЙ

Жалкий лжец!
А вы-то как вели себя, злодеи,
Пред тем, как в теле Цезаря сшибить
Свои проклятые клинки? Кривлялись,
Как обезьяны, ластились, как псы,
И Цезаря сандали лобызали,
Как подлые плебеи, как рабы.

А ты всех омерзительнее, Каска –
Ты в спину Цезарю нанес удар.
У, лицемеры!

КАССИЙ

Вот как – лицемеры!
Зачем ты Кассия не слушал, Брут?
Благодаря тебе охальник этот
Нас поливает грязью.

ОКТАВИЙ

Ничего!
Мы скоро вас польем еще и кровью,
Когда от слов мы к делу перейдем.
Я поднял меч, и он в ножны вернется
Лишь по отмщенье тридцати трех ран
На теле Цезаря. Иль Цезарь новый
Падет от злой предательской руки.

БРУТ

Тогда ты совершишь самоубийство,
О новый Цезарь!

ОКТАВИЙ

Вряд ли я рожден,
Чтоб самому на Брутов меч бросаться.

БРУТ

Юнец, ты зря смеешься. Эта смерть
Почетнее и доблестнее многих.

КАССИЙ

Да, но школяр-щенок, вступивший в связь
С развратником гнилым, подобной чести
Не стоит.

АНТОНИЙ

Этот верен сам себе.

ОКТАВИЙ

Идем, Антоний. Я бросаю вызов
Вам, изверги! Решитесь дать ответ –
Сегодня встретимся на поле боя.
Да где уж вам! Придется подождать,
Пока еще вы с духом соберетесь!
Да где тот дух, что снизойдет на вас?

ОКТАВИЙ и АНТОНИЙ с войском отходят.

КАССИЙ

О, ураган, реви! Бушуйте, волны!
Плыви, корабль! Нас не остановить.
Мы движимы теперь самой стихией.

БРУТ

Луцилий, подойди!

ЛУЦИЛИЙ

Да, господин?

БРУТ и ЛУЦИЛИЙ отходят.

КАССИЙ

Мессала!

МЕССАЛА

Слушаю, военачальник!

КАССИЙ

Сегодня день рожденья моего.
Да, как ни странно, этот день. Дай руку.
И будь свидетелем, что, как Помпей,

Я возлагаю – также против воли –
Все наши упования на одно
Сраженье. Мы спасем свободу Рима
Или погибнем. Знаешь, до сих пор
Я разделял ученье Эпикура,
Но и приметам начал доверять.
Так вот, когда мы покидали Сарды,
На стяг передний сели два орла.
Они клевали корм из рук солдатских
И были вместе с нами до Филипп.
И вдруг сегодня утром их не стало.
Теперь над нами грает воронье
И застит небо, словно черный полог.
Под этой черной тенью мы идем,
Возможно, к поражению и смерти.

МЕССАЛА

Ты суевером стал?

КАССИЙ

Ну, не совсем.
Я бодрость духа сохранил и смело
Навстречу всем опасностям пойду.

БРУТ

Так, хорошо, Луцилий.

КАССИЙ

Я хотел бы,
Чтоб мы с тобою, благородный Брут,
До старости друзьями оставались.
Но хрупки жизни наши. Если мы
Потерпим поражение, то, конечно,
Беседуем с тобой в последний раз.
Что ты предпримешь при таком исходе?

БРУТ

Хотел бы я не изменять ни в чем
Той философии, что разделяю.
Когда-то я Катона порицал

За то, что он убил себя. Пожалуй,
Я сам не понимаю до конца,
В чем малодушие самоубийства,
Я просто верю в благодать высших сил,
Которые вселенной управляют.

КАССИЙ

Но если битву проиграем мы,
Тебя за триумфальной колесницей
В цепях прогонят через Рим.

БРУТ

О нет!

Мой гордый дух не примирится с этим!
Я знаю: мы сегодня завершим,
Что начинали в мартовские иды.
Не знаю, суждена ли встреча нам.
Тогда прощай и всё прости мне, Кассий.
Прекрасно, если встретимся опять,
А если нет – прекрасно мы расстались.

КАССИЙ

Прощай, и всё прости мне, честный Брут.
Я буду счастлив новой нашей встрече.
А нет – я счастлив, что простились мы.

БРУТ

Так выступаем. Жаль, что не известно,
Чем всё закончится, но хорошо,
Что в мире всё кончается когда-то,
И мы узнаем всё, в конце концов.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Поле битвы.

Входят БРУТ и МЕССАЛА.

БРУТ

Скачи, скачи, Мессала. Мой приказ
Доставишь отдаленным легионам.

Шум битвы за сценой.

Пусть разом атакуют, и когда
Октавий дрогнет – тут и я ударю.
Скачи, скачи, Мессала, поживей.

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Другая часть поля.

Шум битвы.

Входят КАССИЙ и ТИТИНИЙ.

КАССИЙ

Нет, посмотри, как драпают, мерзавцы!
Теперь я враг народу своему.
Когда сорвался первым знаменосец,
Я труса зарубил и флаг понес.

ТИТИНИЙ

Эх, как с приказом Брут поторопился!
Октавия он потрепал слегка,
И, возомнив, что это уж победа,
Солдаты мародерством занялись,
А нас тем часом взял в кольцо Антоний.

Входит ПИНДАР.

ПИНДАР

Беги! Антоний в лагере твоём!
Беги, спасайся, благородный Кассий!

КАССИЙ

Холм далеко, мне трудно разглядеть.
Титиний, что горит – мои палатки?

ТИТИНИЙ

Да, Кассий.

КАССИЙ

Если ты мне друг, скажи
Туда во весь опор, потом обратно.
Необходимо точно знать, кто там.

ТИТИНИЙ

Быстрее мысли обернусь.

ТИТИНИЙ уходит.

КАССИЙ

Ты, Пиндар,
Стань на вершину этого холма –
Всегда я, к сожаленью, видел плохо –
И за Титинием во все глаза
Следи, докладывая, что увидишь.

ПИНДАР поднимается на холм.

Я в этот день родился и умру.
Замкнулся круг, вернув меня к истоку.
Ну, что?

ПИНДАР

О господин!

КАССИЙ

Да что же там?!

ПИНДАР

Титиний окружен, но все же скачет.
Еще немного – и возьмут его.
Догнали. Спешились. С коня он сходит.
Всё, взяли.

Крики.

И от радости вопят.

КАССИЙ

Сойди, довольно. Довелось пред смертью
Узнать, как друг пропал из-за тебя.
И сам я словно это всё увидел.
Финал, достойный труса.

ПИНДАР спускается.

Подойди.

Взял в плен тебя я в Парфии. Спасенный
От смерти, ты поклялся мне тогда,
Всё, что тебе я прикажу, исполнить.
Исполни это – и свободен будь.
Вот меч, и не простой: он тем прославлен
Что Цезаря пронзил. И вот сейчас
Он поразит меня. Лицо закрою –
Уже закрыл. Теперь смелее бей!

ПИНДАР ударяет его.

Ликуй же, Цезарь. Меч, тебя убивший,
Убийцу твоего и покарал.

Умирает.

ПИНДАР

Эх, Кассий, Кассий! Вот твоя свобода!

Да только что в ней радости, когда
Она получена такой ценою!
Всё кончено, уходит Пиндар прочь.
Ноги его не будет больше в Риме.

Входят ТИТИНИЙ и МЕССАЛА.

МЕССАЛА

Хотя Антоний Кассия разбил,
Брут положение уравновесил
Победой над Октавием.

ТИТИНИЙ

Ну, что ж,
Такая новость Кассия утешит.

МЕССАЛА

А где же он?

ТИТИНИЙ

Стоял здесь, у холма.
С ним раб остался.

МЕССАЛА

Глянь-ка, это Кассий?

ТИТИНИЙ

Так не лежат живые!

МЕССАЛА

Это – он?

ТИТИНИЙ

Нет, этот человек – уже не Кассий.
Ну, вот и завершился этот день.
Заходит солнце, кровью истекая,

И растворяется в могильной мгле.
День Кассия ушел в лучах кровавых,
И солнце Рима поглотила тьма.
Боюсь, что наше дело безнадежно.
Сам Кассий пал, не веря в мой успех.

МЕССАЛА

Неверие в успех погубит дело.
Ошибка роковая рождена
Унынием. Вот сила заблужденья:
Нас побеждают призраки, а мы
Им позволяем властвовать над нами.
Рождает предрассудки человек
И сам при этих родах погибает.

ТИТИНИЙ

Эй, Пиндар! Где ты?

МЕССАЛА

Да, найди его.
А я отправлюсь к Бруту. Мне придется
Удар ему столь тяжкий нанести.
Воистину удар – он пострашнее
Кинжала и отравленной стрелы,
Сквозь ухо мозг пронзающей.

ТИТИНИЙ

Ступай же,
Мессала, я пока останусь здесь.

МЕССАЛА уходит.

Зачем меня услал ты, храбрый Кассий?
Ведь это оказались не враги,
А люди Брута, и они надели
Венок победный на голову мне,
Чтоб я отвез тебе его. Ты слышал
Их радостные крики, но придал
Им ложный смысл. Однако я исполню,
Что Брут велел. Носи же свой венок.

Увидит Брут, как будешь ты увенчан.
Последую примеру твоему:
Как римлянин, я тоже смерть приму.

Трубы.

Входят

БРУТ, МЕССАЛА, КАТОН, СТРАТОН, ВОЛУМНИЙ и ЛУЦИЙ.

БРУТ

Где он, Мессала?

МЕССАЛА

Здесь. А вот Титиний
Его оплакивает.

БРУТ

Почему
Он вверх лицом?

КАТОН

Он мертв.

БРУТ

О Юлий Цезарь!
Твой дух, как видно, непреодолим?
Он бродит, против нас же обращая
Оружье наше.

Шум битвы.

КАТОН

Доблестный Титиний!
Он друга смертью увенчал своей.

БРУТ

Кто в Риме так велик, как эти двое?
Прощайте же, последние герои!

Рим больше не родит подобных вам.
Но воли не могу я дать слезам.
Для почестей найдем мы лучше время.
Перевезите в Фасос их тела.
Когда бы мы их здесь похоронили,
Могли бы совершенно духом пасть.
Катон, Луцилий, нам пора на поле,
А Флавий с Лебеоном поведут
Войска. Наш главный день не завершился.
Еще не вечер. Римляне, за мной!
Мы снова испытаем жребий свой.

Уходят.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Другая часть поля.

Шум битвы.

*Входят, сражаясь, солдаты обеих армий.
Затем – БРУТ, КАТОН, ЛУЦИЛИЙ и другие.*

БРУТ

Сограждане, смелей! Не падать духом!

КАТОН

Меж нами падших нет. Эй, кто за мной?
Во всеуслышанье провозглашаю:
Я сын Катона Марка – друг страны
И враг тиранов. Да, я сын Катона!

БРУТ

А я Марк Брут! Я друг отчизны Брут!
За мной, друзья! Узнайте Марка Брута!
(*Уходит, сражаясь*)

КАТОН падает.

ЛУЦИЛИЙ

Ты с честью умер, доблестный Катон,
Ушел ты благородно, как Титиний,
Достоин ты великого отца.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ

Сдавайся иль смерть!

ЛУЦИЛИЙ

Для смерти сдамся
И заплачу, чтобы ты меня убил.
Бери – и славься, как убийца Брута.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ

Такого пленника убить нельзя.

ВТОРОЙ СОЛДАТ

Беги, беги к Антонию скорее!
И передай, что нами схвачен Брут.

ЛУЦИЛИЙ

Обрадую его! Хотя Антоний
Уже идет сюда.

Входит АНТОНИЙ.

Мой господин!
Брут нами взят! Мы захватили Брута!

АНТОНИЙ

А Брут-то где?

ЛУЦИЛИЙ

Для вас он не доступен.
Живым не сдастся благородный Брут.
Его избавят боги от позора.

Живой иль мертвый, Брут неодолим,
И он себе вовеки не изменит.

АНТОНИЙ

Дружище, твой трофей – увы, не Брут,
Но, думаю, они друг друга стоят.
А этого – с почетом содержать.
Иметь таких друзей я предпочел бы,
А не врагов. Разведать, жив или Брут
Или убит, и доложить немедля.
В шатре Октавиана буду я.

Уходят.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Другая часть поля.

Входят БРУТ, ДАРДАНИЙ, КЛИТ, СТРАТОН и ВОЛУМНИЙ.

БРУТ

Сюда, осколки армии разбитой.
Здесь, у скалы, и сделаем привал.

КЛИТ

Хоть нам Статилий факелом сигналил,
Но не вернулся: видно, в плен попал
Или погиб.

БРУТ

Ты, Клит, садись. Наверно,
Погиб. Всё погибает на глазах.
Послушай, Клит...
(Говорит ему что-то на ухо)

КЛИТ

Нет, ни за что на свете!

БРУТ

Молчи.

КЛИТ

Да я себя убью скорей!

БРУТ

Хочу я попросить тебя, Дарданий...
(Говорит ему что-то на ухо)

ДАРДАНИЙ

Не сделаю такого никогда!

КЛИТ

Дарданий?

ДАРДАНИЙ

Что?

КЛИТ

О чем таком ужасном
Брут попросил?

ДАРДАНИЙ

Чтоб я убил его!
Вот что задумал!

КЛИТ

Да, он полон горем,
И слезы выступают на глазах.

БРУТ

Волумний!

ВОЛУМНИЙ

Да, мой вождь?

БРУТ

Мой друг, послушай.

Дух Цезаря являлся дважды мне.
Сначала в Сардах, а потом в Филиппах –
Минувшей ночью. Это смерти знак.

ВОЛУМНИЙ

Ты заблуждаешься.

БРУТ

Не надо лишних
Речей. Ты видишь сам, к чему идет.
Враги загнали нас на край обрыва.

Шум.

И лучше броситься с него самим,
Чем ожидать, когда нас скинут в пропасть.
Волумний, мы ведь дружим с детских лет.
Пожалуйста, во имя этой дружбы
Меч мой возьми – я брошусь на него.

ВОЛУМНИЙ

Во имя дружбы о таком не просят,
И этого не делают друзья.

Снова шум.

КЛИТ

Бежим! Бежим! Нельзя здесь оставаться!

БРУТ

Прощайте, Клит, Волумний и Стратон!
Стратон, проснись. За всё меня простите.

Я счастлив оттого, что из друзей
Никем и никогда я не был предан.
Я с честью поражение снесу,
А торжество врагов моих бесчестно.
Прощайте все. Брут людям рассказал
Историю своей нелегкой жизни.
Ночь близится, слипаются глаза,
Усталые, покоя просят кости.
Труд завершен, исполнился мой срок.

Шум.

Крики: «Бегите! Бегите! Бегите!»

КЛИТ

Беги, беги скорей!

БРУТ

Спасайтесь сами,
А я потом. Ты задержись, Стратон.

КЛИТ, ДАРДАНИЙ и ВОЛУМНИЙ уходят.

В тебе я видел искры благородства.
Ты отвернись и крепко меч держи,
Я брошусь на него. Ну, что, согласен?

СТРАТОН

Дай руку и прощай.

БРУТ

Прощай, Стратон.
Дух Цезаря, ты удовлетворен?
Отнять чужую жизнь я не был рад,
Свою отдам охотнее стократ.
(Бросается на меч и умирает.)

Шум битвы.

Сигнал к отступлению.

Входят ОКТАВИЙ, АНТОНИЙ, МЕССАЛА, ЛУЦИЛИЙ и войско.

ОКТАВИЙ

Кто этот человек?

МЕССАЛА

Он служит Бруту.
А что с твоим хозяином, Стратон?

СТРАТОН

Он навсегда останется свободным,
В отличие, Мессала, от тебя.
Брут одержал славнейшую победу
Над Брутом и останется в веках.
Над нам враги не восторжествовали,
Досталось им лишь тело для костра.

ЛУЦИЛИЙ

А что я говорил! И Брут великий
Мою удостоверил правоту.

ОКТАВИЙ

Его людей беру к себе на службу.
Друг, ты согласен перейти ко мне?

СТРАТОН

Да, если даст согласие Мессала.

ОКТАВИЙ

Будь добр, Мессала, отпусти его.

МЕССАЛА

Ответь, Стратон, как Брут ушел из жизни?

СТРАТОН

Он бросился на меч, что я держал.

МЕССАЛА

Он до конца пред Брутом долг исполнил.
Теперь он волен Цезарю служить.

АНТОНИЙ

Из заговорщиков лишь Брут был честен.
Других толкнули зависть и корысть,
Его подвигла мысль об общем деле
На этот роковой, прискорбный шаг.
Но смерть его достойна подражания,
И в жизни он прекрасен был во всем.
В нем так слились природные начала,
Как будто бы Натура изрекла:
«Вот достоверный образ человека».

ОКТАВИЙ

И мы ему достойно воздадим.
Внести покойного в мою палатку,
Пусть там лежит до самого утра
В великолепном боевом убранстве.

(Антонию)

Солдатам всем его почтить вели,
А мы оценим, что приобрели.

Уходят.

3 сентября – 20 октября 2007 г.